

ISSN: 3033-6856

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

INNOVATION
AND RESEARCH

№ 1 / 2025

<https://inno-res.com/>

Главный редактор журнала:

Томашевский Кирилл Леонидович, д.ю.н., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Минск, Беларусь

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Псаррас Харис, кандидат юридических наук, Школа права Саутгемптонского университета, Саутгемптон, Великобритания

Амангельдыкызы Айжан Амангельды, доктор юридических наук, ассоциированный профессор, Университет Кунаева, Алматы, Казахстан

Аткинсон Джо, кандидат юридических наук

Балашенко Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и аграрного права, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Вавилин Михаил Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Гаврильченко Юлия Петровна, доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности, Белорусский государственный университет, юридический факультет, Минск, Беларусь.

Зайцева Екатерина Сергеевна, доктор юридических наук, кафедра теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, Санкт-Петербург, Россия

Здрок Оксана Николаевна, доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе и образовательным инновациям, Белорусский государственный университет, кафедра гражданского процесса и трудового права, Минск, Беларусь.

Колесниченко Ольга Викторовна, доктор юридических наук, кафедра государственных и гражданско-правовых дисциплин, Рязанский филиал Московского университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя, Рязань, Россия

Куницкая Ольга Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры хозяйственного права (учреждение не указано)

Мещанова Мария Валентиновна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Мукалдиева Гулия Бокешовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права, КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Оуян Цзе, PhD, преподаватель частного и нотариального права, Университет Гронингена, Гронинген, Нидерланды

Пилипенко Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления (учреждение не указано)

Пиччирилли Джованни, кандидат юридических наук, профессор конституционного и публичного права, Университет LUISS Гвидо Карли, Рим, Италия

Протасовицкий Сергей Петрович, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, юридический факультет, Минск, Беларусь.

Сальмерон-Мансано Эстер, PhD, профессор юридического факультета, Международный университет Риохи (UNIR), Логроньо, Испания

Сергеев Александр Леонидович, доктор юридических наук, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Скобелев Владимир Петрович, кандидат юридических наук, зам. декана, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права (учреждение не указано)

Смагина Елена Сергеевна, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданско-процессуального и трудового права, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Суворов Евгений Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, адвокат, Москва, Россия

Уайт Сара Бет, кандидат исторических наук, доцент права и содиректор Центра истории права и государственного управления, Школа права Ноттингемского университета, Ноттингем, Великобритания

Хасенов Муслим Хаанатович, PhD по юриспруденции, ассистент-профессор департамента частного права, Университет Максут Нарикбаев, Астана, Казахстан

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул. Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://inno-res.com/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90289

ISSN: 3033-6856

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Innovation and research, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием

соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Innovation and research» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Innovation and research» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Tomashevsky Kirill Leonidovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil and Entrepreneurial Law, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Minsk, Belarus

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Psarras Haris, PhD in Law, School of Law, University of Southampton, Southampton, UK

Amangeldykyzy Aizhan Amangeldy, Doctor of Laws, Associate Professor, D. Kunaev University, Almaty, Kazakhstan

Atkinson Joe, PhD in Law

Balashenko Sergey Aleksandrovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Environmental and Agrarian Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Vavilin Mikhail Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Gavrilchenko Yuliya Petrovna, Doctor of Laws, Professor, Department of Financial Law and Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Zaytseva Ekaterina Sergeevna, Doctor of Laws, Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia

Zdrok Oksana Nikolayevna, Doctor of Laws, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Educational Innovations, Department of Civil Procedure and Labour Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Kolesnichenko Olga Viktorovna, Doctor of Laws, Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Ryazan, Russia

Kunitskaya Olga Mikhailovna, PhD in Law, Associate Professor, Department of Business Law

Meshchanova Maria Valentinovna, Doctor of Laws, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Mukaldieva Guliya Bokeshovna, PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Procedure and Labour Law, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Ouyang Jie, PhD, Lecturer in Private and Notarial Law, University of Groningen, Groningen, Netherlands

Pilipenko Aleksandr Anatolyevich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Public Administration

Piccirilli Giovanni, PhD in Law, Professor of Constitutional and Public Law, LUISS Guido Carli University, Rome, Italy

Protasavitski Sergey Petrovich, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Faculty of Law, Minsk, Belarus.

Salmerón-Manzano Esther, PhD, Professor, Faculty of Law, International University of La Rioja (UNIR), Logroño, Spain

Sergeev Aleksandr Leonidovich, Doctor of Laws, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Skobelev Vladimir Petrovich, PhD in Law, Associate Professor & Deputy Dean, Department

of Civil Procedure and Labour Law

Smagina Elena Sergeevna, Doctor of Laws, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Suvorov Evgeniy Dmitrievich, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University, Attorney at Law, Moscow, Russia

White Sarah Beth, PhD in History, Associate Professor of Law and Co-Director, Centre for Legal History and Governance, School of Law, University of Nottingham, Nottingham, UK

Khasenov Muslim Khaanatovich, PhD in Law, Assistant Professor, Department of Private Law, Maqsut Narikbayev University, Astana, Kazakhstan

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://inno-res.com/>

Media registration number: No. FS77-90289

ISSN: 3033-6856

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Innovation and research, 2025 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

5.1.3. Private law (civil) sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments

on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Innovation and Research" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Innovation and research" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки	8
Ахатов У.А. ПРАВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	8
Хэдли М. ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА	20
Рагозина Н.А. ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	31
Оюунаа Ц. ЗАКОННОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	42
Грэм Л.Д. ПРОБЛЕМА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	53
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки	64
Бинг Ч. О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	64
Печинская Е. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СПЕЦИФИКА, СОСТАВ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ	76
Мороз О. ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА	87
Макеева И.С. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	99
Трудо Л. ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ И СУДА	110

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 340

ПРАВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

**Ахатов Уалихан Акыпбекович, к.ю.н., и.о. профессора, Казахский
национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан,
uakakhan90@gmail.com**

Аннотация

Право состоит в неразрывной связи со всеми сферами жизни общества и государства, в том числе с экономикой, влияя на социально-экономическое развитие. Наиболее ярким примером такого влияния является развитие конкретных социально-экономических отношений на базе норм Конституции Российской Федерации, которым уделено внимание в настоящей статье. С учетом этого в статье выделен ряд важнейших составляющих экономики и социально-экономического развития: единое экономическое пространство в пределах всей страны, обеспечение возможности осуществлять предпринимательскую деятельность и свободно распоряжаться собственными ресурсами, правовые гарантии охраны собственности, в том числе частной собственности; защита конкуренции и идеи рыночной экономики; социальный характер государства. Эти черты экономики обуславливаются конкретными конституционными положениями, принимаемыми государством. А сам факт правового регулирования социально-экономических отношений, таким образом, отражает естественность и необходимость активного государственного участия в экономике. Это основная идея статьи, обосновывающая влияние права на социально-экономическое развитие. Кроме того, в статье отмечается невозможность нахождения права полностью в статическом состоянии и необходимость его преобразования с учётом актуальных потребностей

общества. В качестве итога предлагается расценивать социальную функцию государства в качестве главной предпосылки для активного вмешательства государства посредством права в социально-экономическое развитие.

Ключевые слова: государство, Конституция РФ, право, правовое регулирование, рыночная экономика, социально-экономическое развитие, экономика

Статья поступила в редакцию 19.04.2025, одобрена после рецензирования 13.05.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

LAW AS A FACTOR OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOCIETY

Akhatov Ukhaliḵhān Akypbekovich, Candidate of Law, Acting Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

Law is inextricably linked with all spheres of society and the state, including the economy, influencing socio-economic development. The most striking example of this influence is the development of specific socio-economic relations based on the norms of the Constitution of the Russian Federation, which are given attention in this article. With this in mind, the article highlights a number of important components of the economy and socio-economic development: a single economic space throughout the country, ensuring the ability to conduct business and freely manage their own resources, legal guarantees for the protection of property, including private property; protection of competition and the idea of a market economy; the social nature of the state. These features of the economy are determined by specific constitutional provisions adopted by the State. And the very fact of legal regulation of socio-economic relations, thus, reflects the naturalness and necessity of active state

participation in the economy. This is the main idea of the article, which substantiates the influence of law on socio-economic development. In addition, the article notes the impossibility of finding the law completely in a static state and the need for its transformation, taking into account the current needs of society. As a result, it is proposed to regard the social function of the state as the main prerequisite for the active intervention of the state through law in socio-economic development.

Keywords: state, Constitution of the Russian Federation, law, legal regulation, market economy, socio-economic development, economics

Введение

Признавая неразрывную взаимосвязь права почти с любой сферой общественной жизни, нельзя не отметить его определяющую роль в развитии наиболее значимых аспектов как государства, так и общества в целом. В этой связи право находится в числе ведущих факторов экономического развития.

В то же время, вопрос о влиянии права на экономику как в целом, так и в отдельных аспектах, является предметом дискуссий, в связи с чем актуализируется избранная тема.

Проблемами, требующими особо тщательного изучения, являются вопросы соотношения права и экономики, вопросы балансирования свободы и запретов (ограничений) в контексте правового регулирования экономических отношений и в целом вопросы о пределах вмешательства регулятора в лице государства в экономические отношения. Поэтому данная статья имеет целью сделать вклад в научную разработку указанной проблематики.

Основная часть

Экономическое развитие как общественно значимый процесс, как общественно значимый аспект жизни, находится в зависимости от множества факторов. И в этой связи право выделяется в числе ключевых факторов, которые опосредуют экономическое развитие, о чем пишут, например, Ю. А. Тихомиров и Э. В. Талапина [5; 6, с. 5].

В значительной мере обусловленность экономического развития правом связана с направленностью права, с его целями, задачами и предназначением в целом. Иными словами, право нацелено, в числе прочего, именно на регулирование экономики в целом, отдельных ее аспектов и возникающих в ее сфере отношений. И в этой связи вряд ли можно представить себе экономику любого более или менее цивилизованного государства, которая бы напрямую не зависела от права.

Иллюстрируя роль права в развитии экономики в целом и социально-экономическом развитии в частности, целесообразно обратиться к ключевым положениям Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ), которая выступает не только правовой базой для всех общественно значимых отношений, складывающихся на территории России, но и основой экономического развития страны. Это обусловлено именно содержанием конституционных норм и их направленностью, в том числе, на регулирования социально-экономической составляющей жизни общества.

Одним из базовых является положение ст. 7 Конституции РФ, провозглашающие Россию социальным государством, политика которого нацелена на формирование таких условий, которые обеспечат достойную жизнь и свободное развитие человека, причём в условиях охраны труда, охраны здоровья и т.д.

Думается, что подобного рода нормативные положения присутствуют и в законодательстве многих стран мира. Этот нюанс в деталях не представляется целесообразным рассматривать, но сам факт наличия в источнике права такого рода норм означает, что право влияет на широкий спектр экономических отношений, среди которых и отношения, затрагивающие труд, затрагивающие социальную составляющую и т.д.

Ст. 8 Конституции РФ создает условия для формирования единой экономики в стране посредством установления единого экономического пространства, свободного порядка перемещение грузов, услуг и финансовых

средств, также путем поддержания свободы экономической деятельности в пределах соответствующей территории. Более того, указанная статья создает гарантии для правовой охраны и защиты собственности, причём как частной, государственной, муниципальной, так и иных форм.

В указанной статье особое внимание следует обратить именно на создание условий для признания и охраны собственности, поскольку собственность является ключевой ценностью любой экономики, особенно рыночной, капиталистической. И если гипотетически предположить, что собственность в её современном понимании будет отсутствовать, то и сама экономика, само экономическое развитие в современном понимании будут невозможны. В этой связи вряд ли что-то ещё сможет обеспечить одинаковую защиту каждой собственности, кроме права, реализуемого, в том числе, при помощи принудительной силы государства.

Ст. 9 Конституции РФ определяет основу природно-ресурсных, и, прежде всего, земельных отношений. Обеспечивая правовую охрану земель и прочих природных ресурсов, а также закрепляя возможность нахождения земли и прочих природных ресурсов как в частной, так и в государственной, муниципальной и иных формах собственности. Таким образом, право создаёт основу для использования, распределения, цивилизованной охраны невосполнимых и весьма ограниченных экономически значимых ресурсов.

Ст. 34 Конституции РФ обеспечивает возможность осуществлять предпринимательскую деятельность, что является неотъемлемым условием свободной рыночной экономики, которая сама по себе представляет ценность, будучи пространством для производства, распределения, перераспределения, потребления материальных благ.

Ст. 35 Конституции РФ посвящена именно частной собственности, право которой гарантируется каждому, охраняется законом и защищается, в том числе, путём создания возможностей для обращения в суд.

Ст. 38 Конституции РФ содержит базовые аспекты социальной направленности государства, в частности, охрану материнства, детства и семьи, заботу о детях, нетрудоспособных гражданах, что тоже имеет прямое отношение к социально-экономическому развитию.

Помимо того, Конституция РФ содержит и ряд принципиально значимых иных положений, которые прямо или опосредованно затрагивают экономику страны. И все это позволяет сделать вывод о том, что право, с одной стороны, является значимым фактором экономического развития. С другой стороны, право является одним из компонентов экономики, поскольку социально-экономическое развитие происходит в строгом соответствии с правом.

Более того, многие экономические ценности носят одновременно и правовой характер. Например, институт собственности, будучи экономическим, неразрывно связан также с правом. И в этой связи можно полагать, что в отдельных аспектах экономика и право неразрывно связаны друг с другом. Более того экономика тоже определённо влияет на право, однако этот аспект в рамках данного исследования затрагиваться не будет.

Нельзя не обратить внимание на некоторые значимые закономерности, касающиеся формирования права и его влияния на экономику страны. Так, В. В. Миронов пишет, что национальное право обуславливается такими факторами, как собственная культура страны. А эта культура, в свою очередь, формируется на основе ряда элементов:

- этнического;
- религиозного;
- социокультурного характера [3, с. 104].

В этом плане право определенной степени отражает ценности соответствующего общества и его ожидания относительно как государства в целом, так и экономики, а также связанные с экономикой аспекты. То есть путем права в экономику привносятся значимые для конкретного общества духовные ценности.

Учитывая изложенное, невозможно поставить под сомнение влияние права на экономику и социально-экономическое развитие. В то же время есть немало спорных вопросов, касающихся взаимодействия права и экономики. Один из таких спорных вопросов касается поиска путей совершенствования экономики посредством права. Здесь дискуссия ведётся именно о том, какой способ, какие пути развития права целесообразно избрать для того, чтобы усовершенствовать социально-экономическое развитие и отдельные аспекты этого развития, в частности, касающиеся собственности. И на этот счёт есть разные мнения.

Главная дилемма в этом в плане касается степени вмешательства государства (посредством права) в экономику, в процессы социально-экономической природы.

С одной стороны, отечественный опыт показал, что сокращение участия государства в экономике, в том числе путём отказа от детального правового регулирования тех или иных аспектов социально-экономического развития крайне негативно сказывается на таком развитии. Как пишет А. С. Щемелева, «формально провозглашенные право собственности, свобода экономической деятельности и, собственно, рыночные отношения работают не так, как в развитых странах, или не работают вовсе» [8, с. 132].

В полной мере поддержать такую позицию не представляется возможным, поскольку и право собственности, и свобода экономической деятельности, и прочие блага рыночной экономики, которые появились именно в связи с переходом России от социалистической к капиталистической модели экономики именно посредством правовых преобразований, вряд ли можно поставить под сомнение. Широкий круг граждан осуществляет предпринимательскую деятельность, пользуясь соответствующим правом на её осуществление; есть собственники самой разной собственности, в том числе и жилой недвижимости, и производственных объектов. Безусловно, социально-экономическое развитие пока остаётся далёким от совершенства; тем не менее определённый прогресс усматривается.

Думается, что основания для скептических высказываний по поводу отечественной экономической системы дает, в том числе, активное вмешательство государства в социально-экономические процессы. Вместе с тем, такое вмешательство вполне естественно, как минимум, в связи с тем, что государство является одним из активнейших участников социально-экономических отношений. Более того, государство выступает автором права, а право в любом его виде не может не затрагивать социально-экономическую сферу.

Нельзя не отметить и дискуссионный характер вопросов о степени целесообразного регулирования экономических отношений в теории государства и права. На сегодняшний день нет универсального ответа на вопрос о роли государства в экономике [6, с. 6]. Соответственно, вопрос о степени необходимого правового регулирования социально-экономического развития тоже остается открыт, оставляя возможность для выражения и обоснования самых разных позиций.

Вместе с тем, отдельные аспекты, отражающие роль государства и права в экономике, не вызывают сомнений. Например, в научной литературе подчеркивается особая роль антимонопольных мер для социально-экономического развития [8, с. 132]. Такие меры важны не столько с точки зрения эффективной экономики, сколько для предупреждения монополизма или, по крайней мере, его снижения, поскольку в противном случае свобода и рыночный характер экономики, гарантированные правом, могут быть поставлены под угрозу.

Не сомнение и в том, что государство посредством создания и применения права, в том числе, с помощью мер государственного принуждения, должно обеспечивать эффективную охрану собственности (права собственности). То есть создания права, как такового, еще недостаточно. «Защита института собственности определяется эффективностью функционирования правоохранительной системы». [8, с. 136], а это, в свою очередь, означает и

необходимость реализации широкого спектра иных мер (судебных, силовых и пр.).

Вряд ли можно сомневаться том, что для социально-экономического развития обязательным условием является наличие качественных правовых актов, причем как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания [7, с. 100].

Помимо того, создание и кристаллизация права в контексте социально-экономического развития невозможны, по крайней мере, с учётом процессов цифровизации, которые набирают обороты и оказывают влияние на самые разные аспекты жизни общества и государства. В этом плане государство должно осмысливать соответствующие тенденции и адаптировать экономическое право под экономические нужды и под те базовые ценности, которые в этом праве изначально заложены, то есть целях устойчивого социально-экономического развития [2, с. 38].

Вместе с тем нельзя говорить о том, что исключительно право определяет социально-экономическое развитие, так как имеет место и обратное влияние, то есть социально-экономическое развитие, социально-экономические явления и процессы в значительной мере влияют на право. Как пишет Г. Ю. Носаненко, в основе правовых принципов «всегда лежат социально-экономические и политико-правовые явления и законы, имеющие значение для государства» [4, с. 47].

Заключение

В результате проведённого исследования делается вывод об объективной обусловленности социально-экономического развития нормами права, как минимум, в части охраны таких экономических ценностей, как собственность, свобода экономической деятельности и конкуренция именно посредством права, обеспечивающего возможности для цивилизованной защиты собственности, а также позволяющего предотвратить полную монополизацию экономики. Соответственно, экономические свободы и прочие ценности, признанные в

обществе, обеспечиваются не только путем их закрепления, но также и путем установления запретов и ограничений, путем исполнения норм права, в том числе, при помощи принудительной силы государства,

Ключевая проблема влияния права касается соотношения прав и свобод с запретами и ограничениями, а также определения степени вмешательства государства (посредством права) в социально-экономические процессы. Думается, что при решении этих вопросов следует исходить из идеи обеспечения баланса между мерами поддержания свободы и мерами безопасности, с учетом социальной функции государства.

В этом плане социальную функцию государства предлагается рассматривать как ключевую предпосылку и основание для активного вмешательства государства (посредством права) в социально-экономическое развитие.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. – 1993. – 26 дек.; 2022. – 6 окт.
2. Карцхия А. А. Цифровая трансформация и права человека // Русская политология. 2018. № 4 (9). С. 33-38.
3. Миронов В. В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 2. С. 99.
4. Носаненко Г. Ю., Гаврилюк Р.В., Гаврилюк Е. П. Влияние политических факторов на развитие принципов права // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 45-48.
5. Тихомиров Ю. А. Оптимизация правового регулирования в контексте социально-экономического развития // Russian Journal of Economics and Law. 2015. № 1 (33). С. 108-113.

6. Тихомиров, Ю. А. Талапина Э. В. Право как эффективный фактор экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 4-26.
7. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85-102.
8. Щемелева А. С. Влияние права на развитие экономики // Эволюция государственных и правовых институтов в современной России : Ученые записки. Том Выпуск XV. Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет РИНХ, 2017. С. 132-138.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. – 1993. – 26 dek.; 2022. – 6 okt.
2. Karczxiya A. A. Cifrovaya transformaciya i prava cheloveka // Russkaya politologiya. 2018. № 4 (9). S. 33-38.
3. Mironov V. V. Transformaciya e`konomiki, politiki i prava v usloviyax globalizacii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2016. T. 86, № 2. S. 99.
4. Nosanenko G. Yu., Gavrilyuk R.V., Gavrilyuk E. P. Vliyanie politicheskix faktorov na razvitie principov prava // Azimut nauchny`x issledovanij: e`konomika i upravlenie. 2021. T. 10, № 2 (35). S. 45-48.
5. Tixomirov Yu. A. Optimizaciya pravovogo regulirovaniya v kontekste social`no-e`konomicheskogo razvitiya // Russian Journal of Economics and Law. 2015. № 1 (33). S. 108-113.
6. Tixomirov, Yu. A. Talapina E`. V. Pravo kak e`ffektivny`j faktor e`konomicheskogo razvitiya // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2020. № 1. S. 4-26.
7. Xabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyax cifrovoj real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1 (253). S. 85-102.

8. Shhemeleva A. S. Vliyanie prava na razvitie e`konomiki // E`volyuciya gosudarstvenny`x i pravovy`x institutov v sovremennoj Rossii : Ucheny`e zapiski. Tom Vy`pusk XV. Rostov-na-Donu : Rostovskij gosudarstvenny`j e`konomicheskij universitet RINX, 2017. S. 132-138.

Научная статья

УДК 34.03

ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА

**Хэдли Мари, Ph.D., старший преподаватель Школы права и правосудия,
Университет Ньюкасла, Новый Южный Уэльс, Австралия,
marie_hadley.au@gmail.com**

Аннотация

Юридическая ответственность является обязательной составляющей права в целом и компонентам, обеспечивающим правопорядок, поскольку создаёт стимулы для соблюдения соответствующих норм. Государство в этой связи, создающее право, выступает особым субъектом юридической ответственности. Его особое место в кругу субъектов ответственности обеспечивается наличием таких компонентов, как территория, население, аппарат власти, суверенитет. Все это обеспечивается и поддерживается соответствующим силовым блоком, а именно армией и правоохранительными органами. В рамках современных концепций государство, рассматриваемое, с одной стороны, как особый субъект, а с другой стороны – как субъект, равный другим участникам правоотношений, признается субъектом не только политической, но также и юридической ответственности, которая может быть, в свою очередь, как материальной, так и моральной. В этой связи в статье обоснована несостоятельность позиций тех учёных, которые не усматривают возможности привлечения государства к моральной ответственности. Признавая межотраслевой характер юридической ответственности государство, автор также аргументирует ее публично-правовой характер, ссылаясь на взаимосвязь публично-правовых (конституционных) и частно-правовых норм, возлагающих на государство соответствующие обязательства. Ограниченность ответственности государства в статье объясняется наличием суверенитета и вытекающей из суверенитета возможности ограничивать пределы ответственности.

Ключевые слова: государство, институт ответственности, ответственность государства, право, публично-правовая ответственность, суверенитет, частно-правовая ответственность, юридическая ответственность

Статья поступила в редакцию 11.03.2025, одобрена после рецензирования 09.04.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

THE PROBLEM OF LEGAL RESPONSIBILITY OF THE STATE

Marie Hadley, Ph.D., Senior Lecturer (School of Law and Justice), The University of Newcastle, New South Wales, Australia

Abstract

Legal responsibility is an obligatory component of the law as a whole and of the components that ensure the rule of law, since it creates incentives for compliance with relevant norms. In this regard, the State, which creates the law, acts as a special subject of legal responsibility. Its special place in the circle of subjects of responsibility is ensured by the presence of such components as territory, population, government apparatus, sovereignty. All this is provided and supported by the relevant security unit, namely the army and law enforcement agencies. Within the framework of modern concepts, the state, considered, on the one hand, as a special entity, and on the other hand, as a subject equal to other participants in legal relations, is recognized as subjects of not only political, but also legal responsibility, which can be, in turn, both material and moral. In this regard, the article substantiates the inconsistency of the positions of those scientists who do not see the possibility of bringing the state to moral responsibility. Recognizing the intersectoral nature of the State's legal responsibility, the author also argues for its public-law nature, referring to the relationship between public-law (constitutional) and private-law norms that impose corresponding obligations on the state. The limited responsibility of the state in the article is explained

by the existence of sovereignty and the possibility of limiting the limits of responsibility resulting from sovereignty.

Keywords: state, institution of responsibility, state responsibility, law, public legal responsibility, sovereignty, private legal responsibility, legal responsibility

Введение

Институт юридической ответственности выступает неотъемлемым элементом права, так как именно благодаря юридической ответственности (реальной возможности наступления ответственности) создаются действенные стимулы, побуждающие каждого конкретного субъекта общественных отношений воздерживаться от нарушения правовых норм. В связи с этим проблематика ответственности носит всеобъемлющий характер, затрагивая практически все отрасли права, среди которых находится и теория государства права.

Государство, будучи создателем права и, в том числе, норм об ответственности, в то же время может быть привлечено к этой ответственности, что выражает его особое место среди субъектов юридической ответственности. И в теории государства и права в этой связи не сложилось единого мнения по ряду важных вопросов ответственности государства. Поэтому разработка данной темы в теоретическом аспекте представляется крайне важной.

Основная часть

В теории государства и права, а также в других юридических науках государство принято рассматривать через призму таких составляющих, как:

- территория;
- население;
- аппарат государственной власти;
- суверенитет [10, с. 17-18].

Указанные три элемента означают, во-первых, наличие определённой территории, де-факто и де-юре принадлежащей исключительно конкретному

государству; во-вторых, наличие определённого населения, которое проживает на данной территории и объединено друг с другом и с государством гражданской принадлежностью (подданством); наличием аппарата государственной власти, что означает наличие соответствующей системы органов власти, которые реализуют в пределах определённой территории публичную власть (законотворчество, правоприменение, правосудие), то есть управление в широком смысле этого слова.

Суверенитет, также рассматриваемый в качестве обязательного признака любого государства, означает:

- территориальную неприкосновенность государства;
- недопустимость оккупации и аннексии его территорий [10, с. 18].

Особо подчеркнуть необходимо наличие армии (системы обороны) у любого государства, что обеспечивает защиту его территории (границ), населения и поддержание суверенитета; а также аппарата принуждения, прежде всего, внутри страны, что необходимо для поддержания государственной власти. В данном случае эти две составляющие были выделены в целях подчёркивания их особой значимости, однако они вполне вписываются и в аппарат государственной власти.

Государство может быть рассмотрено в контексте населения и организации населения. В этой связи государство представляет собой такую форму объединения (союз), в рамках которой обеспечивается связь между индивидом и государством, не зависящая от фактического местонахождение индивида [5].

Конечно, представленные определения не исчерпывают всю многоаспектную сущность государства. Оно рассматривается с разных позиций, в частности, как форма социальной организации (организационная концепция), как субъект действия или как система социально-политических отношений (функциональная концепция) [10, с. 18].

Изложенное даёт возможность наделения государства признаками некоего единого субъекта, участвующего в правоотношениях и, в связи с этим, могущего нести в том числе юридическую ответственность.

Теоретический аспект ответственности как в целом, так и применительно к государству, крайне сложен и неоднозначен, в том числе ввиду разделения ответственности на позитивную и негативную.

Первую трактуют как «нормативную, формально определенную, гарантированную и обеспеченную государством юридическую обязанность по соблюдению предписаний правовых норм, реализующуюся в правомерном поведении субъектов общественных отношений, которое одобряется или поощряется государством» [7, с. 13]. Вторая представляет собой обязанность государства устранять несущие вред международному правопорядку или конкретному индивиду последствия правонарушения и понести лишения материального и нематериального характера в пользу гражданина или другого государства [3, с. 9-10].

В таком ключе позитивная ответственность выступает элементом цивилизованного и взаимовыгодного сосуществования разных субъектов общественных правоотношений, в том числе индивида с одной стороны, и государства – с другой. «В этой связи ненадлежащая реализация позитивной ответственности государством может приводить к реализации ретроспективной ответственности» [8, с. 138]. Такая ответственность, как правило, и именуется юридической ответственностью.

Сама проблематика юридической ответственности государства носит межотраслевой характер, так как нормы об ответственности государства в лице органов и должностных лиц, действующих от его имени и (или) в его интересах, содержатся в источниках многих отраслей права (отраслей законодательства) [1, с. 7].

Юридический характер ответственности государства в контексте данного исследования подчёркивается не случайно, так как «в силу существовавших

длительное время недемократических режимов правления, ответственность государства носила в большей степени политический, нежели правовой характер». [3, с. 9]. Поэтому юридический характер ответственности в данном случае означает равенство государства, как субъекта ответственности, с прочими субъектами, в том числе с гражданами, хотя такое равенство в определённой мере условно.

Ответственность государства как логически, так и юридически обоснована. Сама же идея ответственности государства в полной мере отвечает укоренившемуся в любом обществе принципу справедливости, ведь если государство берет на себя обязательства, будь то обязательства по отношению к своим гражданам или людям независимо от гражданства, или по отношению к юридическим лицам, или по отношению к другим государствам (международному сообществу, межгосударственной организации), то логично и справедливо то, что за нарушение принятых обязательств оно должно нести ответственность, как и любой иной субъект правоотношений.

Такой взгляд на ответственность государства соответствует современным тенденциям рассмотрения ответственности государства сквозь призму взаимной ответственности личности и государства, в том числе с учётом курса на преодоление системоцентризма [12, с. 157–162, 169–178].

В рамках проблематики ответственности государства есть ряд принципиально спорных вопросов, на которые пока нет ответов и в обозримой перспективе вряд ли ответы появятся.

Например, не вполне ясны следующие нюансы ответственности государства:

- может ли государство стать субъектом уголовной ответственности;
- каким образом соотносится ответственность военных преступников и ответственностью государства военные преступления;
- какова правовая природа ответственности международных (межгосударственных) организаций;

- каким образом следует решать вопрос касательное юридической ответственности государства за причинение вреда субъектам, представляющим иностранные государства [4, с. 20].

Помимо того, спорным остаётся и вопрос разграничения разных видов ответственности государства. К примеру, Д. Б. Левин считает уместным выделять политическую и материальную ответственность, отрицая при этом моральную ответственность [6, с. 113]. Но с такой позицией невозможно согласиться, так как моральная ответственность (моральная составляющая юридической ответственности) государства имеет место быть.

К примеру, нормы законодательства, предусматривающие обязанность субъекта, причинившего моральный ущерб гражданину или вред деловой репутации юридического лица, обязывающие принести публичные извинения пострадавшему, представляет собой ни что иное, как нормы о юридической моральной ответственности. И в этой связи государство (в лице органов власти), которое, например, приносит публичные извинения, несёт таким образом именно моральную ответственность.

Многие разногласия, которые возникают по поводу юридической ответственности государства, обусловлены отсутствием единообразного подхода к пониманию природы такой ответственности, по поводу ее частного или публичного характера [4, с. 20]. В этой связи представляется допустимым рассматривать юридическую ответственность государства как публичную, хотя бы потому что в случае нарушения государством норм частного права одновременно происходит и нарушение норм публичного (конституционного) права, ведь нарушаются именно заложенные в конституции государства (в данном случае термин «конституция» употреблен в общеправовом контексте) права и свободы, причем субъектом публичного права. Иными словами, нарушение тех или иных конституционных гарантий государством, пусть и в отношении частного субъекта, является неисполнением публичным субъектом публично данных обещаний. И в этом контексте ответственность государства

можно рассматривать как отдельный случай несения государством ответственности перед всем обществом.

В то же время, например, Ю. М. Колосов считает возможным привлечение государства не только к публичной, но и в частно-правовой ответственности, в том числе как моральной, так и материальной [4, с. 21]. Такой подход тоже можно рассматривать как обоснованный, поскольку он базируется на разделении права на частное и публичное, каждое из которых предполагает возможность реализации ответственности государства.

Круг проблемных вопросов в данном случае не исчерпан, и здесь лишь приведены некоторые из них. Отсутствие же возможности однозначно ответить на них в настоящее время вовсе не означает, что нужно отказаться от попыток их осмысления.

Специфика юридической ответственности государства опосредуется тем, что мера ответственности, как и основания ее реализации, определяются самим государством [11, с. 33]. Исключением из этого правила, пожалуй, являются лишь те случаи, когда конкретное государство привлекается к ответственности межгосударственной организацией в рамках наложения международных санкций. Во всех иных случаях государство несёт ответственность лишь в той мере, в какой оно сочло это допустимыми. И такая возможность обеспечивается именно суверенитетом. Причем, по замечанию С. В. Мирошника, «суверенитет вторичен по отношению к учредительной власти народа» [9, с. 66], благодаря чему обеспечивается возможность реализации ответственности в отношении государства.

Также специфической особенностью ответственности государства является необходимость решения вопроса о конкретном органе или должностном лице, в отношении которых будут применены соответствующие меры [2, с. 99], так как от имени государства всегда выступает тот или иной орган власти или должностное лицо.

Заключение

Таким образом, государство, характеризующиеся наличием территории, населения, суверенитета, а также аппарата государственной власти с армией и системой силовых правоохранительных органов, что обеспечивает обороноспособность и поддержание власти.

Автор относит ответственность государства к публично-правовой ответственности, причем даже в тех случаях, когда реализация такой ответственности происходит в рамках частного права, поскольку в таком случае всегда имеет место нарушение норм публичного (конституционного) права.

Специфика ответственности государства состоит также в её ограниченности, что обусловлено наличием суверенитета. И в этом плане государство несёт ответственность, как правило, лишь в той мере, в какой само сочло это возможным и необходимым.

Список литературы

1. Агаджанов А. А. О некоторых проблемах юридической ответственности государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 5 (60). С. 5–7.
2. Баратов М. Х. Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6, № 4. С. 98–103.
3. Горбунов Д. Г. Ответственность государства перед гражданином как принцип правового государства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.
4. Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. – 2-е изд., стер. М. : Статут, 2014. 224 с.
5. Кульшанова А. А. Дефиниции «этнос» и «нация» – история, сущность, особенности // Наука, новые технологии и инновации. 2015. № 3. С. 159–161.
6. Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М. : Междунар. отношения, 1966. 152 с.

7. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: монография. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2013. 139 с.
8. Макарейко Н. В. Проблемы юридической ответственности государства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 137–142.
9. Мирошник С. В. К вопросу о государственном суверенитете // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2. С. 62–67.
10. Ромашов Р. А. Государство: понятие, общая характеристика и сущность // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 2. С. 16–34.
11. Северухин В. А. О некоторых аспектах юридической ответственности государства // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 1(37). С. 28–35.
12. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2017. 383 с.

References

1. Agadzhanov A. A. O nekotory`x problemax yuridicheskoy otvetstvennosti gosudarstva // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2006. № 5 (60). S. 5–7.
2. Baratov M. X. Nekotory`e aspekty` grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti gosudarstva // Vestnik yuridicheskogo fakul`teta Yuzhnogo federal`nogo universiteta. 2019. T. 6, № 4. S. 98–103.
3. Gorbunov D. G. Otvetstvennost` gosudarstva pered grazhdaninom kak princip pravovogo gosudarstva : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. 24 s.
4. Kolosov Yu. M. Otvetstvennost` v mezhdunarodnom prave. – 2-e izd., ster. M. : Statut, 2014. 224 s.
5. Kul`shanova A. A. Definicii «e`tnos» i «naciya» – istoriya, sushhnost`, osobennosti // Nauka, novy`e tekhnologii i innovacii. 2015. № 3. S. 159–161.

6. Levin D. B. Otvetstvennost` gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave. M. : Mezhdunar. otnosheniya, 1966. 152 c.
7. Lipinskij D.A., Musatkina A.A. Yuridicheskaya otvetstvennost`, sankcii i mery` zashhity`: monografiya. M. : RIOR: INFRA-M, 2013. 139 s.
8. Makarejko N. V. Problemy` yuridicheskoy otvetstvennosti gosudarstva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2019. № 5. S. 137–142.
9. Miroshnik S. V. K voprosu o gosudarstvennom suverenitete // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 2. S. 62–67.
10. Romashov R. A. Gosudarstvo: ponyatie, obshhaya xarakteristika i sushhnost` // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. 2019. № 2. S. 16–34.
11. Severuxin V. A. O nekotory`x aspektax yuridicheskoy otvetstvennosti gosudarstva // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2020. № 1(37). S. 28–35.
12. E`bzeev B. S. Lichnost` i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost` i konstitucionny`e obyazannosti. M. : Norma, 2017. 383 s.

Научная статья

УДК 342.7

ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

**Рагозина Наталья Александровна, к.ю.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия,
amazoner_sk@mail.ru**

Аннотация

Цель статьи – проанализировать теоретико-правовые аспекты определения пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина. В ходе анализа теоретически обосновывается уместность ограничения прав и свобод человека и гражданина моралью, положенной в основу каждого конкретного права и свободы, а также в основу права в целом; рассматриваются в теоретическом аспекте сущность и пределы ограничения субъективного права; дается характеристика Конституции РФ как результата реализации теоретико-правовой идеи ограничения прав и свобод; проводится анализ проблемы установления пределов ограничений. Среди наиболее значимых аспектов терминологии правоограничений выделен вопрос соотношения таких понятий, как «ограничение прав и свобод», «умаление прав и свобод» и «отрицание прав и свобод», обоснованы принципиальные различия данных понятий. В контексте проблем установления пределов ограничений прав и свобод человека и гражданина внимание заостряется на нормативной неопределенности, которая не способствует и решению теоретических задач, также на критерии соразмерности ограничений. В заключении изложен авторский взгляд на проблему – предлагается рассматривать в качестве основы допустимых правоограничений принципы целесообразности, законодательной обоснованности и соразмерности.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, Конституция РФ, мораль, пределы ограничения прав, ограничения прав и свобод, права человека, реализация прав, цели ограничения прав

Статья поступила в редакцию 25.03.2025, одобрена после рецензирования 22.04.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

LIMITS OF LIMITATION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

Ragozina Natalia Alexandrovna, Candidate of Law, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Abstract

The purpose of the article is to analyze the theoretical and legal aspects of determining the limits of restrictions on human and civil rights and freedoms. In the course of the analysis, the relevance of limiting human and civil rights and freedoms to morality, which is the basis of each specific right and freedom, as well as the basis of law as a whole, is theoretically substantiated; the essence and limits of restrictions on subjective law are considered in a theoretical aspect; the Constitution of the Russian Federation is characterized as a result of the implementation of the theoretical and legal idea of restrictions on rights and freedoms; analysis of the problem of setting limits of restrictions. Among the most significant aspects of the terminology of legal restrictions, the issue of the correlation of such concepts as "restriction of rights and freedoms", "diminution of rights and freedoms" and "denial of rights and freedoms" is highlighted, and the fundamental differences between these concepts are substantiated. In the context of the problems of setting limits on restrictions on human and civil rights and freedoms, attention is focused on normative uncertainty, which does not contribute to solving theoretical problems, as well as on the criteria of proportionality of

restrictions. In conclusion, the author's view of the problem is presented – it is proposed to consider the principles of expediency, legislative validity and proportionality as the basis of permissible legal restrictions.

Keywords: constitutional rights and freedoms, Constitution of the Russian Federation, morality, limits of restriction of rights, restrictions of rights and freedoms, human rights, realization of rights, purposes of restriction of rights

Введение

Актуальность темы. Права и свободы человека как с точки зрения теории государства и права, так и с позиции действующего законодательства, прежде всего, Конституции Российской Федерацией [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] (далее по тексту – Конституция РФ, также – Основной Закон), по объективным причинам не носят и не могут носить абсолютного характера, а значит, они в определенной мере ограничены. В свою очередь, их ограниченный характер порождает острые дискуссии в науке и на трибунах высших органов власти, что не может не вызывать научного интереса. Предусматривая в Основном Законе те или иные права и свободы, и сопутствующие им гарантии, законодатель в одних случаях прямо предусматривает, а в других – допускает возможности для ограничения гарантированных прав и свобод. И по этой причине возникают совершенно обоснованные вопросы о том, насколько уместно ограничивать конкретное право или свободу, а также о пределах таких легитимных ограничений. Поэтому, признавая логичность и оправданность правоограничений в целом, нельзя не отметить спорность вопроса о пределах ограничений конкретных прав.

Цель исследования – проанализировать теоретико-правовые аспекты определения пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Сущность и пределы ограничения субъективного права: теоретический аспект

В своей сущности любые права и свободы предполагают наличие определённых ограничений, то есть неких пределов их действия и (или) реализации. Это обуславливается, прежде всего, наличием моральной основы права как системы норм поведения. Здесь уместны слова А. А. Гусейнова, отмечающего, что «право само по себе и есть одно из концентрированных выражений господствующих в обществе моральных представлений» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 14]. Такое утверждение нельзя назвать беспочвенным в силу того, что, изначально создавая право (в широком смысле этого слова), человек руководствовался ничем иным, как моралью, свойственной соответствующему обществу в конкретную историческую эпоху.

Сказанное означает, что «в каких-то отношениях мораль может выступать в качестве критерия (ограничения, корректирующей инстанции) по отношению к праву» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 13]. То есть даже при отсутствии формально закреплённых конкретных ограничений прав и свобод, предоставляемых человеку правотворцем, в них изначально заложена идея некоторых ограничений. В этом плане ограничения выступают естественной и оправданной составляющей любого права.

Ограничение субъективного права в юридической литературе трактуется по-разному, в том числе, как изъятие некоторых правомочий из содержания права, устанавливаемое в отношении определенных субъектов либо применительно к определенной территории в целях защиты тех или иных охраняемых законом ценностей [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 109]. Конечно, есть немало других подходов к пониманию сущности рассматриваемых ограничений, но и это определение даёт общее представление о характеризуемом феномене.

Общее содержание ограничения субъективных права и свобод раскрывается в двух базовых составляющих:

- в установлении определенных рамок поведения человека, которые уменьшают объем его прав и свобод качественно и (или) количественно;

- в наличии конкретной цели (целей) как основания установления соответствующих рамок [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 14].

Необходимость уточнения подобных ограничений прав и свобод (в целях недопущения их произвольного применения) породила необходимость определения их пределов, то есть неких граней, за которые недопустимо заступить в деле применения ограничений [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 14]. Причем пределы ограничений прав и свобод, хотя и рассматриваются в сугубо теоретическом контексте, на практике могут устанавливаться как в отношении прав и свобод в целом, так и относительно конкретных прав и свобод (или их категорий), например, прав и свобод иностранных граждан [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 47].

Изложенное означает, что любое право имеет свои пределы, то есть границы социально-правовой свободы индивида, описывающей «рамки юридически дозволенных действий» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 107].

Однако важно не допускать отождествления терминов «ограничение прав и свобод», «умаление прав и свобод» и «отрицание прав и свобод», которые принципиально отличаются друг от друга, прежде всего, по своим юридически значимым последствиям [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 67]. Если ограничение прав и свобод в данном контексте рассматривается как вполне правомерное юридически обоснованное явление, отражающее лишь некоторые изъятия в определённых случаях, не затрагивающих саму сущность прав и свобод, то отрицание прав и свобод означает принципиальное их непризнание. Что же касается умаления прав и свобод, то оно, как нам представляется, предполагает их неполное признание (признание в меньшем объёме).

Основания для разграничения указанных понятий дают и некоторые положения Конституции РФ. Так, ч. 1 ст. 55 в контексте конституционно гарантированных прав и свобод запрещает «отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина», при этом допускаются

ограничения прав и свобод в определенных случаях, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Конституция РФ как результат реализации теоретико-правовой идеи ограничения прав и свобод

Легитимные ограничения прав и свобод человека и гражданина, как и сами права и свободы, носят конституционный характер, что следует, по крайней мере, из упомянутых выше норм Основного Закона. Поэтому рассматривать их возможно исключительно через призму действующей Конституции РФ, которая содержит целый комплекс положений, упоминающих прямо или косвенно соответствующие ограничения.

Одно из допускаемых Конституцией РФ ограничений предусмотрено в ч. 2 ст. 23 и касается права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений: оно может быть ограничено «только на основании судебного решения».

Особую значимость в части установления ограничений прав и свобод человека имеет ст. 55 Основного Закона, ч. 3 которой, упоминавшаяся выше, допускает возможность ограничения прав и свобод «федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Таким образом, российский законодатель определяет пределы ограничения прав и свобод посредством установления:

- во-первых, основания применения ограничений;
- во-вторых – целей.

Ст. 56 Основного Закона предусматривает возможность установления отдельных ограничений применительно к случаям введения чрезвычайного положения, а также содержит ряд исключений в части недопустимости ограничения отдельных прав и свобод даже в условиях действующего

чрезвычайного положения, что можно расценивать как частный случай определения пределов ограничений прав и свобод.

Эти и другие конституционные нормы являются наглядными примерами реализации теоретико-правовой идеи ограничения прав и свобод в социально значимых целях. И такая практика присуща не только отечественному законодательству, но и международному праву, ни один источник которого, как пишет В. А. Толстик, не предусматривает прав и свобод без возможности установления ограничений [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 167].

Необходимость установления ограничений прав и свобод, как и пределов таких ограничений, продиктована необходимостью создания оптимальных условий для функционирования государства [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 65]. То есть идея правоограничений является не только теоретической разработкой, но и результатом практической реализации правотворческих функций государства, обусловленной объективными потребностями.

Проблема установления пределов ограничений прав и свобод человека и гражданина

Очевидно, что некоторые пределы свойственны не только правам и свободам, но и их ограничениям, что означает, с одной стороны, невозможность существования неограниченных прав и свобод, с другой стороны – наличие некоторых пределов реализации правоограничений. Причем важно отметить отсутствие единодушия в научном сообществе касательно «различных аспектов теории ограничения прав и свобод человека» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 167].

Исходя из формулировок, используемых в нормах Основного Закона, можно также сделать вывод, что и российское законодательство не способствует устранению неясности в понимании пределов ограничений прав и свобод человека и гражданина. Так, если обратить внимание на декларируемые цели, дающие основание для законодательного ограничения прав и свобод, то становится очевидна их неконкретность. Думается, что многие

правоограничения всегда могут быть обоснованы необходимостью «защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», закрепленной в ч. 3 ст. 55 Основного Закона, что создает объективные основания если не для отрицания или умаления прав и свобод, то для их существенных ограничений. С другой стороны, перечисленные цели, для реализации которых допускается вводить правоограничения, расцениваются как социально и юридические признаваемые, одобряемые, значимые. Они важны для государства, для всего общества, для каждого гражданина, в силу наличия взаимных связей и заинтересованности. Поэтому указанные цели не могут ставиться под сомнения.

Вопрос в том, насколько то или иное конкретное ограничение, предусмотренное федеральным законом, соответствует указанным целям. И здесь уместно сказать о цензуре, как о примере реализации правоограничений. С одной стороны, ч. 5 ст. 29 устанавливает запрет цензуры. С другой стороны, федеральное законодательство допускает введение цензуры, в частности, на период действия военного положения, в связи с чем в литературе указывается на «двойственный подход к пониманию запрета цензуры» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 37], в чем мы тоже уверены.

В литературе предлагаются различные идеи решения проблемы, связанной с установлением пределов ограничения прав и свобод, ввиду нормативной неопределенности ограничивающих права и свободы положений [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 112], их оценочности и абстрактности [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 14]. И среди всех предложений больше всего внимания заслуживает идея принципа соразмерности, в целом предполагающая соответствие степени ограничений целям защиты конкретных конституционных ценностей [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 87].

Заключение

Наличие пределов ограничений прав и свобод, с одной стороны, обусловлено наличием самих ограничений, без которых ни какое субъективное право не мыслится; с другой стороны, необходимостью исключения рисков произвольного применения ограничений. При этом, будучи обязательными составляющими права, ограничения нашли реализацию в Основном Законе Российской Федерации, что отражает их не только сугубо теоретическую, но и практическую значимость.

На сегодняшний день и в законодательстве, и в теории, в том числе теории государства и права, открыт вопрос о том, каковы должны быть пределы такого рода ограничений. И абстрагируясь от нюансов российского законодательства, представляется возможным предложить рассматривать в качестве основы для установления пределов допустимого ограничения прав и свобод человека совокупность принципов целесообразности, законодательной обоснованности и соразмерности вводимых ограничений при условии исключения умаления и отрицания сущности соответствующих прав и свобод.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. – 1993. – 26 дек.
2. Гусейнов А. А. Мораль и право: линия разграничения // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 8(141). С. 7–22.
3. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н., Миронов А. Л. Пределы ограничений прав и свобод иностранных граждан в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 44–50.
4. Лисина О. В. Конституционное ограничение прав и свобод человека и гражданина: понятие и пределы // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19, № 3. С. 10–18.

5. Подмарев А. А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, № 1. С. 83–91.
6. Толстик В. А. Юридическая форма, цели и мера ограничения прав и свобод человека // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4(45). С. 167–171.
7. Травников Н. О. «Предел» и «ограничение» в праве: теоретико-правовой анализ понятий // Государство и право. 2017. № 7. С. 104–109.
8. Хамнуев Ю. Г., Тетерин А. Н. О чем говорит конституционный запрет цензуры // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3(86). С. 33–37.
9. Чеботарева И. Ю., Удычак Ф. Н. Актуальные аспекты проблемы ограничения прав и свобод личности в России // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-8. С. 110–114.
10. Ягофарова И. Д. Императивный характер положений ст. 55 Конституции РФ при установлении ограничений прав и свобод человека и гражданина в РФ // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1(50). С. 64–72.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. – 1993. – 26 dek.
2. Gusejnov A. A. Moral` i pravo: liniya razgranicheniya // Lex Russica (Russkij zakon). 2018. № 8(141). S. 7–22.
3. Zinchenko E. Yu., Xazov E. N., Mironov A. L. Predely` ogranichenij prav i svobod inostranny`x grazhdan v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoj aspekt // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 8. S. 44–50.

4. Lisina O. V. Konstitucionnoe ogranichenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina: ponyatie i predely` // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2019. T. 19, № 3. S. 10–18.
5. Podmarev A. A. Sorazmernost` kak konstitucionny`j princip ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E`konomika. Upravlenie. Pravo. 2021. T. 21, № 1. S. 83–91.
6. Tolstik V. A. Yuridicheskaya forma, celi i mera ogranicheniya prav i svobod cheloveka // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2017. № 4(45). S. 167–171.
7. Travnikov N. O. «Predel» i «ogranichenie» v prave: teoretiko-pravovoj analiz ponyatij // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 7. S. 104–109.
8. Xamnuev Yu. G., Teterin A. N. O chem govorit konstitucionny`j zapret cenzury` // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2019. № 3(86). S. 33–37.
9. Chebotareva I. Yu., Udy`chak F. N. Aktual`ny`e aspekty` problemy` ogranicheniya prav i svobod lichnosti v Rossii // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2022. № 85-8. S. 110–114.
10. Yagofarova I. D. Imperativny`j xarakter polozhenij st. 55 Konstitucii RF pri ustanovlenii ogranichenij prav i svobod cheloveka i grazhdanina v RF // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2017. № 1(50). S. 64–72.

Научная статья

УДК 340.132.8

ЗАКОННОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Цэрэндагва Оюунаа, к.ю.н., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета, Улан-баторский международный университет, Улан-Батор, Монголия, оyuunats_mgl72@mail.ru

Аннотация

В статье ставится цель раскрыть понятие «законность» и оценить роль законности в развитии правового государства. Акцент сделан на исследовании феномена законности без строгой привязки к конкретным нормам российского законодательства. Автор отмечает значения законности как системы определенных правовых гарантий, как принципа права, как принципа юридической ответственности, как критерия оценки правовой жизни общества, как режима государственного управления, как принципа реализации функций государства и т.д. В части анализа двух подходов к пониманию законности – узкого и широкого – автор высказывает предпочтение в пользу последнего, аргументируя свою позицию тем, что исполнение законов выражается, в том числе, и в исполнении нормативных актов подзаконного уровня, принимаемые для исполнения законов. В статье обращается внимание на юридическую и фактическую составляющие законности, находящиеся друг с другом в неразрывной связи. Эти составляющие расцениваются и в качестве условий правового государства. Говорится о роли законности в реализации политики правового государства, проявляемой в каждом из направлений такой политики. В заключении статьи автором формулируется определение понятия «законность» и на его основе делается вывод о невозможности признания государства правовым в отсутствии законности.

Ключевые слова: гарантии законности, закон, законность, понятие законности, право, правовое государство, теория государств и права, теория права

Статья поступила в редакцию 18.03.2025, одобрена после рецензирования 11.04.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

LEGALITY AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF A RULE-OF-LAW STATE

Tserendagva Oyuunaa, Candidate of Law, Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty, Ulaanbaatar International University, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract

The article aims to reveal the concept of "legality" and assess the role of legality in the development of a rule-of-law state. The emphasis is placed on the study of the phenomenon of legality without strict reference to specific norms of Russian legislation. The author notes the importance of legality as a system of certain legal guarantees, as a principle of law, as a principle of legal responsibility, as a criterion for evaluating the legal life of society, as a regime of public administration, as a principle of implementing state functions, etc. In terms of analyzing two approaches to understanding legality – narrow and broad – the author expresses a preference in favor of the latter, arguing that the enforcement of laws is expressed, among other things, in the enforcement of regulations at the subordinate level adopted for the enforcement of laws. The article draws attention to the legal and factual components of legality, which are inextricably linked with each other. These components are also regarded as the conditions of a rule-of-law state. It talks about the role of legality in the implementation of the policy of the rule of law, manifested in each of the directions of such a policy. In the conclusion of the article, the author formulates a definition of the concept of "legality" and, based on it, concludes that it is impossible to recognize a state as legal in the absence of legality.

Keywords: guarantees of legality, law, legality, the concept of legality, law, the rule of law, theory of states and law, theory of law

Введение

Законность находится в числе фундаментальных понятий теории государства и права и иных отраслей юриспруденции, имея не только научное значение, но и практическое, о чем свидетельствуют, в частности, нормы Конституции Российской Федерации [1], прямо обязывающие высшие органы власти обеспечивать законность на всей территории страны (ст.ст. 72, 102, 144).

Но сущность данного понятия в общетеоретическом аспекте, без привязки к конкретным направлениям деятельности органов власти по обеспечению правопорядка и безопасности личности, государства и общества, до сего дня оказывается недостаточно изученной, а по поводу трактовки законности в науке пока не сложилось общепринятого мнения. То есть вопрос истолкования термина «законности» и вопрос определения роли законности как условия правового государства, на сегодняшний день открыт. Причем поиск ответов на вопрос о том, что же представляет собой законность, важен и для решения проблем практического плана: как полагает Ю. Н. Стариков, верховенство законности зависит, в том числе, и от правильного ее понимания [12, с. 19].

Поэтому цель данной статьи, с учетом изложенного, состоит в раскрытии понятия «законность» и оценке роли законности в развитии правового государства.

Основная часть

Рассматривая законность в качестве условия развития правового государства, важно, прежде всего, уточнить значение понятия «правовое государство». В этой связи сущность правового государства традиционно принято раскрывать через систему принципов, на базе которых такое государство функционирует. И ключевым принципом правового государства

считается верховенство права, иначе именуемое также верховенством закона или господством права [4, с. 36, 38].

Под правовым государством, с точки зрения О. В. Самсоновой, может пониматься и «организация публичной власти, которая создает условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти с целью недопущения злоупотреблений» [10, с. 180].

Кроме того, в качестве характеристики правового государства отмечается и подчиненность всей деятельности «нормам права, а также фундаментальным правовым принципам, направленным на защиту достоинства, свободы и прав человека» [7, с. 67]. То есть соответствие государства указанным характеристикам вполне можно расценивать как наличие законности.

Изложенное дает основания для вывода о законности как неотъемлемом элементе или условии правового государства. Но трудность раскрытия законности в качестве такового условия заключается в неоднозначности данного феномена: законность является комплексным многомерным понятием, складывающимся из множества составляющих, и отразить её сущность, как и значение в формировании правового государства, учтя все аспекты, крайне сложно.

Если абстрагироваться от конкретных трактовок и отдельных элементов законности, то можно выделить два подхода, с позиций которых принято исследовать законность. Рассмотрение законности в узком аспекте предполагает ее оценку с точки зрения соблюдения именно законов. В широком аспекте законность отражает соблюдение законодательства в целом, то есть не только законов, но и нормативных правовых актов подзаконного уровня [3, с. 113]. И здесь более предпочтительным представляется второй подход, так как соблюдение подзаконных правовых актов является одним из условий соблюдения законов, ведь подзаконные акты принимаются именно для

исполнения законов. Поэтому исполнение подзаконного акта косвенно можно расценивать как исполнение закона.

При этом нельзя отрицать, что в состав субъектов, исполнение которыми законов и подзаконных правовых актов важно для законности, входит широкий круг лиц, в том числе:

- 1) органы власти;
- 2) организации и учреждения;
- 3) должностные лица;
- 4) граждане [6, с. 21].

И думается, что перечень таких лиц не зависит от того, в контексте какого именно подхода рассматривать законность – широкого или узкого: и в одном, и в другом случае представляется обязательным соблюдение законодательства всеми субъектами всех правоотношений, так или иначе урегулированных.

Конечно, научную трактовку законности нельзя сводить исключительно к двум перечисленным выше подходам. Юридическая наука позволяет рассматривать законность в самых разных аспектах:

- 1) в качестве системы определенных правовых гарантий [3, с. 114];
- 2) в качестве принципа права;
- 3) в качестве принципа юридической ответственности;
- 4) в качестве критерия оценки правовой жизни общества;
- 5) в качестве режима государственного управления [4, с. 37];
- 6) в качестве принципа реализации функций государства, метода реализации функций государства, отдельной функции (функция обеспечения законности) [8, с. 124];
- 7) в качестве метода государственного руководства [13, с. 413].

Феномен законности представляется ещё более многообразным и сложным, если обратиться к отдельным определениям, более детально раскрывающим его сущность. Например, Ю. Н. Стариков описывает законность как «юридическое состояние правовых отношений, режим реализации которых

соответствует сложившемуся в современном правовом государстве стандарту надлежащего исполнения и соблюдения их участниками правовых норм, а также целям и задачам общего, отраслевого и процессуального правового регулирования» [12, с. 24]. Но очевидно, что настолько лаконичная формулировка не может полноценно отразить сущность законности.

Интересно и то, что в данном определении его автор подчёркивает именно юридический характер законности, что можно считать обоснованным, ведь законность характеризует именно юридический аспект жизни общества и государства. Но нельзя отрицать и важности фактической составляющей, отражающей объективные реалии, а не желаемые, формальные аспекты. Например, то или иное деяние, которое является общественно опасным, может быть де-юре не квалифицировано как преступление или правонарушение, что, однако, не означает, что де-факто оно не несёт определённый вред. И это тот гипотетически возможный случай, когда законность де-юре может не совпадать с законностью де-факто. Поэтому рассматривать законность именно как юридическое состояние, с одной стороны, есть все основания; но с другой стороны в таком случае отрицается значимый фактический аспект законности.

Подтверждая изложенное, следует отметить мнение С. Н. Кожевникова, указывающего на две стороны (два условия) законности:

- 1) наличие качественных полноценных законов;
- 2) их реальное, результативное применение [6, с. 21].

То есть в этом выражается и формальная (юридическая), и фактическая составляющие законности, без которых вряд ли уместно говорить о реальном наличии законности.

Указанные два условия законности являются одновременно и условиями признания государства правовым. Иначе говоря, правовой характер государства обеспечивается, во-первых, наличием эффективного права, во-вторых, соблюдением права. Причем одно без другого вряд ли возможно, ведь, например, если право не соблюдается, не реализуется в практической плоскости, то не

будет и оснований говорить о наличии эффективного права; в случае же отсутствия эффективного права в принципе не может быть эффективной его реализации.

Роль законности проявляется и в реализации политики правового государства, что не порождает никаких сомнений. Если исходить из посылки, что «в законах всегда воплощалась и воплощается определенная государственная политика» [6, с. 22], то и состояние законности можно характеризовать как некоторый результат реализации политики правового государства; с другой стороны, состояние законности может быть названо одним из условий проведения эффективной политики правового государства.

Например, меры социальной поддержки населения могут быть эффективными лишь при наличии эффективного законодательства, причем реализуемого в практическом плане. То есть неотъемлемое условие эффективной социальной политики – это законность. Аналогичные суждения справедливы и для любого другого направления государственной политики.

Законность также не может рассматриваться как нечто абсолютное, статичное, неизменное. Она всегда находится в тесных связях с политикой государства. П. И. Стучка в этой связи подчеркивал опасность нарушения законности, если сам закон примеряется «механически», без увязки с общей линией партии и правительства [2]. Такая позиция была сформирована еще в первые годы советского государства, но она актуальна и сейчас, невзирая на действующий в настоящее время принцип разделения властей. Поэтому думается, что закон должен пониматься правоприменителем и именно так, как его понимал законодатель.

Из этой закономерности следуют и получившие на разных этапах отечественной истории концепции революционной [9, с. 59], социалистической [11, с. 274], конституционной законности [5, с. 66], которые, характеризуются как значимыми сходствами, так и принципиальными идеологическими различиями.

Роль законности для развития правового государства можно рассматривать и через призму принципов законности. Так, в качестве базовых принципов законности признаются, в частности, верховенство закона, господство права в жизни общества и государства, единообразное понимание и исполнение законодательства [13, с. 414–415]. Эти же принципы, рассмотренные вне их единства, тоже обязательны для любого правового государства.

«Законность – необходимая предпосылка нормальной организации и функционирования органов государственного управления» [3, с. 116], что означает признание законности и в качестве предпосылки нормального развития любой сферы, затрагиваемой государственным управлением.

Вывод об определяющей роли законности в формировании правового государства следует и из всеохватывающего характера законности: «принцип законности охватывает как правотворческий процесс, так и процесс реализации права» [4, с. 38]. Это значит, что все важные сферы правового государства развиваются на базе принципа законности.

Заключение

Законность есть многогранный феномен, выражающийся наличием в государстве эффективного законодательства (законов и подзаконных правовых актов), применяемого на практике, в результате чего в стране формируется режим верховенства закона, равенства, признания, охраны и защиты прав всех субъектов общественных отношений.

Законность, как единый принцип, выступает в качестве обязательного условия формирования правового государства. Если же рассматривать ее как систему принципов, то каждый из ее принципов становится важным условием формирования правового государства. Причем государство не может быть признано правовым при отсутствии законности в ее современном понимании.

Признавая законность в качестве обязательного условия существования правового государства, нельзя отрицать значимой роли иных условий такого государства, в связи с чем законность не рассматривается и не может быть

рассмотрена как единственное условие, на базе которого складывается правовое государство.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. – 1993. – 26 дек.
2. Доклад товарища Стучки о работе Верховного суда РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 17. С. 1102–1105.
3. Аверьянова О. В. Понятие законности и система средств обеспечения законности в государственном управлении // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 2(56). С. 112–119.
4. Власова Т. В. Принцип законности в контексте верховенства права // Аграрное и земельное право. 2019. № 11(179). С. 36–38.
5. Карцов А. С. Конституционная законность - фундамент верховенства права // Криминалисть. 2019. № 2(27). С. 60–66.
6. Кожевников С. Н. Законность как категория общей теории права // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 1. С. 21–24.
7. Ларинбаева И. И., Насыров А. Р., Иксанов Р. А. К вопросу о понятии и сущности правового государства // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 70-6. С. 64–67.
8. Пожарский Д. В. Законность и правопорядок в системе функций государства (вопросы теории) // Молодые ученые. 2012. № 3. С. 123–126.
9. Рыбаков В.А. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156). С. 58–62.
10. Самсонова О. В. Правовое государство: сущность и понятие // Lex Russica (Русский закон). 2008. Т. 67, № 1. С. 178–180.

11. Солуков А. А. Формирование представлений о социалистической законности в отечественной правовой науке // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 271–275.
12. Старилов Ю. Н. От правильного понимания и уважения законности к ее верховенству // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 18–40.
13. Теория государства и права: учебник для вузов / Под общ. ред. О. В. Мартышина. М.: Норма, 2007. 496 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. – 1993. – 26 dek.
2. Doklad tovarishha Stuchki o rabote Verxovnogo suda RSFSR // Ezhenedel`nik sovetskoj yusticii. 1929. № 17. S. 1102–1105.
3. Aver`yanova O. V. Ponyatie zakonnosti i sistema sredstv obespecheniya zakonnosti v gosudarstvennom upravlenii // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2019. № 2(56). S. 112–119.
4. Vlasova T. V. Princip zakonnosti v kontekste verxovenstva prava // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2019. № 11(179). S. 36–38.
5. Karczov A. S. Konstitucionnaya zakonnost` - fundament verxovenstva prava // Kriminalist`. 2019. № 2(27). S. 60–66.
6. Kozhevnikov S. N. Zakonnost` kak kategoriya obshej teorii prava // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. Yuridicheskij zhurnal. 2016. № 1. S. 21–24.
7. Larinbaeva I. I., Nasy`rov A. R., Iksanov R. A. K voprosu o ponyatii i sushhnosti pravovogo gosudarstva // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2021. № 70-6. S. 64–67.
8. Pozharskij D. V. Zakonnost` i pravoporyadok v sisteme funkcij gosudarstva (voprosy` teorii) // Molody`e ucheny`e. 2012. № 3. S. 123–126.

9. Ry`bakov V.A. Revolyucionnaya zakonnost`: teoreticheskij aspekt // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017. № 12 (156). S. 58–62.
10. Samsonova O. V. Pravovoe gosudarstvo: sushhnost` i ponyatie // Lex Russica (Russkij zakon). 2008. T. 67, № 1. S. 178–180.
11. Solukov A. A. Formirovanie predstavlenij o socialisticheskoj zakonnosti v otechestvennoj pravovoj nauke // Vestnik e`konomicheskoy bezopasnosti. 2016. № 3. S. 271–275.
12. Starilov Yu. N. Ot pravil`nogo ponimaniya i uvazheniya zakonnosti k ee verhovenstvu // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2017. № 3. S. 18–40.
13. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov / Pod obshh. red. O. V. Marty`shina. M.: Norma, 2007. 496 s.

Научная статья

УДК 341

ПРОБЛЕМА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

**Грэм Люк Д., к.ю.н., старший преподаватель кафедры публичного права и
прав человека, Манчестерский университет, Манчестер, Англия,
Великобритания, lukegrahamuk@outlook.com**

Аннотация

Цель статьи – провести теоретический анализ проблемы непризнанных государств и выработать предложения по ее решению. Актуальность этой проблемы автор объясняет наличием в современном мире множества непризнанных государств, население которых в общей сложности составляет около 43 млн. чел. Анализируя проблему, автор подчеркивает наличие множества терминов, используемых для обозначения непризнанного государства («самопровозглашенная республика», «государство де-факто» и пр.), в том числе имеющих и резко негативную коннотацию («серая зона», «безгосударственная территория» и пр.). Также рассматриваются выделяемые в юридической литературе критерии отнесения государств к категории непризнанных и подчеркивается роль конфликта среди таких критериев. В статье оспариваются идеи о выработке и нормативном закреплении единого механизма признания ранее непризнанных государств: автор видит в реализации таких идей потенциальные угрозы для территориальной целостности многих стран. Формулируя выводы по итогам исследования, автор высказывается о целесообразности оставления идей о выработке и нормативном международно-правовом закреплении критериев и механизмов признания государств лишь на уровне теории, ввиду чрезмерно высоких рисков практической реализации таких идей; также указывает на ненужность создания единого механизма признания

государств ввиду важности учета специфики каждой конкретной ситуации непризнания государства.

Ключевые слова: Конвенция Монтевидео, критерии признания государств, международное право, непризнанное государство, ООН, суверенитет, территориальный конфликт

Статья поступила в редакцию 22.04.2025, одобрена после рецензирования 30.05.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

THE PROBLEM OF UNRECOGNIZED STATES IN THE MODERN THEORY OF STATE AND LAW

Luke D. Graham, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Public Law and Human Rights, The University of Manchester, Manchester, England, United Kingdom

Abstract

The purpose of the article is to conduct a theoretical analysis of the problem of unrecognized states and to develop proposals for its solution. The author explains the urgency of this problem by the presence of many unrecognized states in the modern world, with a total population of about 43 million people. Analyzing the problem, the author emphasizes the presence of many terms used to refer to an unrecognized state ("self-proclaimed republic", "de facto state", etc.), including those with sharply negative connotations ("gray zone", "stateless territory", etc.). The criteria for classifying states as unrecognized, highlighted in the legal literature, are also considered and the role of conflict among such criteria is emphasized. The article challenges the idea of developing and normalizing a single mechanism for recognizing previously unrecognized states: the author sees potential threats to the territorial integrity of many countries in the implementation of such ideas. Formulating conclusions based on the results of the study, the author speaks about the expediency

of abandoning ideas about the development and normative international legal consolidation of criteria and mechanisms for recognizing states only at the theoretical level, due to the excessively high risks of practical implementation of such ideas; also points out the needlessness of creating a single mechanism for recognizing states due to the importance of taking into account the specifics of each specific situation of non-recognition of a state.

Keywords: Montevideo Convention, criteria for the recognition of states, international law, unrecognized state, UN, sovereignty, territorial conflict

Введение

Феномен непризнанных государств, как и феномен частично признанных государств в современном мире не является редкостью. К политико-территориальным новообразованиям с таким статусом традиционно относят, прежде всего, Косово, Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье, Нагорный Карабах, Северный Кипр, Тайвань и т. д. [9, с. 16]. Конечно, этот список можно продолжать. По оценкам Л. В. Бударagina, в современном мире насчитывается более 100 государств, которые были провозглашены на территории почти 60 стран, но не получили признания со стороны международного сообщества [3, с. 44]. При этом численность населения непризнанных государств в общей сложности составляет более 43 млн. чел. [5, с. 65]. Это свидетельствует об особой значимости проблемы непризнанных государств в современном мире. Между тем, даже на уровне теории проблематика непризнанного государства крайне слабо разработана, не говоря уже о действующем праве, поэтому разработка идей, которые в дальнейшем могут воплотиться в реальные правотворческие инициативы, представляется особенно актуальной.

Цель настоящей статьи, с учетом изложенного, заключается в проведении теоретического анализа проблемы непризнанных государств и выработке предложений по ее решению.

Основная часть

Для обозначения государств, которые не получили всеобщего признания, в правовой науке применяются разные термины: «непризнанные государства», «самопровозглашенные республики», «государства де-факто». Помимо того, в научной литературе, официальных материалах, прессе для обозначения соответствующих территорий нередко используют и смежные термины, характеризующие такие территории в резко негативном ключе, отрицающем наличие в их пределах государственности: «серая зона», «зона конфликта», «безгосударственная территория», «зона сомнительной деятельности», «неконтролируемая территория», «неподконтрольная территория» [9, с. 16–17].

Такая ситуация вполне объяснима, поскольку правовой статус территорий, которые местными политическими силами выведены из-под фактической юрисдикции государства, в составе которого находились (или находятся), и претендуют на статус самостоятельного суверенного государства, в международном праве не получил нормативного закрепления. Также остались неурегулированными многие иные вопросы, которые прямо или косвенно касаются проблематики признания государств.

Так, Устав Организации Объединенных Наций [1] (далее – Устав ООН), провозглашая в ст. 1 принцип «равноправия и самоопределения народов» и открывая (формально) доступ для вступления в ООН «для всех других миролюбивых государств» в ст. 4, тем не менее, не конкретизирует, на основе каких критериев государство должно оцениваться при решении вопроса о его признании в связи с вступлением в ООН и (или) в целом, вне контекста вступления в данную Организацию. И сам факт отсутствия конкретизации по рассматриваемому вопросу в Уставе и других документах ООН создаёт предпосылки для научных дискуссий.

Среди международных документов особо выделяется принятая в 1933 г. Конвенция Монтевидео «О правах и обязанностях государств» [2], согласно ст.

1 которой для признания государства в качестве субъекта международного права достаточно его соответствия следующим условиям:

- наличие постоянно проживающего населения;
- наличие определенной территории;
- наличие правительства;
- способность вступать в отношения с другими государствами.

Кроме того, ст. 3 Конвенции Монтевидео гласит, что существование государства не зависит от признания его другими государствами и это дает ему право защищать собственную независимость и целостность.

Но ввиду того, что данная Конвенция была принята лишь в рамках Американского континента, о её глобальном значении говорить не приходится. Поэтому любые ссылки на этот документ в контексте решения проблемы непризнанных государств в глобальном масштабе или в региональном масштабе вне Американского континента, представляются неуместными. В то же время Конвенция Монтевидео может быть использована для теоретического обоснования идей по поводу решения проблемы непризнанных государств, в том числе и в глобальном масштабе, так как критерии признания государства легитимным в ней представлены вполне конкретные.

Тем не менее любые попытки сформулировать даже теоретические идеи по решению проблемы непризнанных государств вызывают вопросы, на которые вряд ли можно уверенно ответить: «на протяжении почти 75 лет специалисты в области международного права, в частности, Комиссия международного права ООН, не могут определить признаки, которым субъект – территориальное образование – должен соответствовать, чтобы считаться государством» [4, с. 93].

Даже рассмотрение выборов в представительные органы власти в качестве критерия для признания государства легитимным находится под большим вопросом. По мнению С. Маркедонова, использование такого критерия для легитимации режима также не всегда работает в пользу «материнских государств» против де-факто республик ввиду того, что далеко не все

непризнанные образования авторитарны [6, с. 32]. Поэтому в случае рассмотрения вопроса о легитимности непризнанного государства на основе критерия демократических выборов может быть поставлена под сомнение идея защиты территориальной целостности тех или иных государств, что представляется недопустимым, особенно учитывая отечественный исторический опыт, в том числе опыт и Российской Империи, и Советского Союза, и современной Российской Федерации.

Трудность решения проблемы непризнанных государств обусловливается не только наличием потенциальной угрозы территориальной целостности и суверенитету «материнских государств», и фактической отстраненностью ООН от участия в решении этой проблемы, но и трудностями определения отличий непризнанных государств от признанных государств.

Д. В. Заяц предлагает идентифицировать непризнанные государства на основе следующих критериев [5, с. 56]:

- наличие фактически осуществляемого контроля значительной части декларируемой в качестве государства территории;
- наличие собственных органов исполнительной, законодательной и судебной власти, которые избираются населением либо специальными комиссиями;
- наличие правовой системы, обеспечивающей регулирование юридических отношений в пределах собственной территории;
- наличие собственной государственной символики (флаг, герб, гимн), сформировавшейся или формирующейся идентичности и лояльно настроенного большинства населения;
- наличие силовых структур, обеспечивающих правопорядок;
- отсутствие полноправного членства в ООН, отсутствие дипломатического признания со стороны как минимум $\frac{1}{4}$ стран-членов ООН, включая хотя бы одного члена Совета Безопасности ООН.

На основе приведённого перечня критериев можно сделать вывод, что единственным отличием непризнанного государства является отсутствие признания со стороны так называемого мирового сообщества, сформировавшегося в рамках ООН. При этом отсутствие признания не свидетельствует о том, что соответствующее образование не является государством. Более того, последний критерий, отражающий факт непризнания государства, крайне субъективен, поскольку критерии для признания государства на глобальном международном уровне не закреплены.

Д. Г. Николаев в качестве отличительных черт непризнанных государств, помимо отсутствия международно-правового признания, отмечает наличие определенного конфликта между частью населения и центральным правительством, который в итоге перерастает в настойчивое и осознанное желание осуществлять свою политику самостоятельно, а также создание государства на территории, которую другое государство считает своей частью. Такой подход позволяет Д. Г. Николаеву обоснованно рассматривать непризнанное государство в качестве части другого государства по формально-правовым основаниям [8, с. 32, 39].

Наличие конфликта, обуславливающего формирование непризнанного государства, в данной статье не ставится под сомнение. Но выработать в рамках теории государства права какой-либо общий эффективный алгоритм, который бы позволил разрешать такого рода конфликты, вряд ли возможно. С. Маркедонов, придерживающийся аналогичного мнения, пишет, что «в разрешении затяжных этнополитических и религиозных конфликтов (порождением которых и стали непризнанные государства разной степени зрелости и эффективности) опора исключительно на формально-правовой инструментарий невозможна. Приходится учитывать массу факторов социально-культурного, экономического и психологического свойства. На данном пути неприемлема жесткая схема: либо поощрение сепаратизма, либо ее подавление» [6, с. 36–37].

Если предположить, что на международном уровне в рамках ООН будет выработан и нормативно закреплён конкретный механизм признания ранее непризнанных государств, в результате чего такие государства перейдут в категорию признанных, то вместе с тем усилятся и угрозы для территориальной целостности многих других государств.

Во-первых, местные политические элиты, заинтересованные в обособлении, получают конкретный алгоритм действия для запуска процедуры выхода той или иной территории из состава «материнского государства», результатом чего может стать усиление сепаратистских настроений в тех или иных районах, обострение межнациональных, межконфессиональных, территориальных и прочих конфликтов.

Во-вторых, отдельные государства смогут использовать такие тенденции в свою пользу, поддерживая сепаратистские настроения в странах-конкурентах, в целях их ослабления.

Подтверждая сказанное, нельзя не согласиться с В. Л. Толстых в том, что в современном мире «функция признания изменилась: отныне оно не констатирует факт образования государства, но выступает формой контроля и влияния на внутреннюю и внешнюю политику» [11, с. 138]. Поэтому логично полагать, что формальное закрепление критериев признания или непризнания государств даже в рамках ООН может быть использовано теми или иными странами в борьбе против конкурентов.

Основываясь на изложенном, позволим себе не согласиться с А. В. Рыбаковым, указывающим на «необходимость выработки универсальных критериев международного признания/непризнания новых государств и механизмов их реализации» [10, с. 138], а также с А. А. Медниковой, высказывающей аналогичное мнение [7, с. 117]. Возможно, в результате выработки таких критериев какую-то часть этнополитических и межгосударственных конфликтов удастся разрешить мирными способами. Однако это не позволит предупредить другие конфликты, обусловленные, в том

числе, усилением сепаратистских настроений, целенаправленно стимулируемых извне.

Заключение

Проблема непризнанных государств в современной теории государства и права разработана недостаточно. Этому способствует, в том числе, и слабо развитое международно-правовое регулирование вопросов признания. К настоящему времени даже не выработан единый подход в части употребления терминологии для обозначения непризнанных государств, в результате чего учеными используется множество понятий, по-разному трактуемых. Нет и критериев для признания/непризнания государств.

Высказываемые в литературе мнения о необходимости выработки единообразных критериев и механизма признания государств вызывают сомнения: в случае их теоретической выработки и последующего закрепления в международном праве, с одной стороны, может мирно решиться ряд проблем, касающихся непризнанных государств; но с другой стороны, могут обостриться сепаратистские настроения во многих странах, в том числе и при поддержке извне. Это приводит автора статьи к мысли о целесообразности оставления идей о выработке общего механизма признания государств лишь на уровне теории государства и права, поскольку воплощение соответствующих идей в реальном международном праве представляется крайне рискованным. Автор полагает, что на практике каждая проблема непризнанного государства должна решаться не на основе единых механизмов, а с учётом специфики конкретной ситуации, с учётом культурных, национальных, религиозных, территориальных и прочих аспектов существования непризнанного государства.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций : принят в г. Сан-Франциско 26 июня. 1945 г. : ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от

20 авг. 1945 г. (с изм. от 16 сен. 2005 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

2. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. Date enacted: December 26, 1933 // Lillian Goldman Law Library. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp (дата обращения: 12.03.2025).

3. Бударagina Л. В. Статус непризнанных государств // Право и современные государства. 2016. № 3. С. 44–49.

4. Гассиев М. В. Актуальность критериев Монтевидео для исследования института признания государств в международном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 3. С. 93–96.

5. Заяц Д. В. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. 2020. № 1. С. 53–69.

6. Маркедонов С. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 1(11). С. 24–40.

7. Медникова А. А. Анализ проблематики института признания государств // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7(125). С. 114–117.

8. Николаев Д. Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 27–41.

9. Попов Ф. А. От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 2(26). С. 16–28.

10. Рыбаков А. В. Признание международным сообществом новых государств: проблемы и практики // Власть. 2018. Т. 26, № 4. С. 134–139.

11. Толстых В. Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. // Российский юридический журнал. 2020. № 5(134). С. 135–151.

References

1. Ustav Organizacii Ob`edinenny`x Nacij : prinyat v g. San-Francisko 26 iyun. 1945 g. : ratificirovan Ukazom Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 20 avg. 1945 g. (s izm. ot 16 sen. 2005 g.) // Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x SSSR s inostranny`mi gosudarstvami. Vy`p. XII. M., 1956.
2. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. Date enacted: December 26, 1933 // Lillian Goldman Law Library. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp (data obrashheniya: 12.03.2025).
3. Budaragina L. V. Status nepriznanny`x gosudarstv // Pravo i sovremenny`e gosudarstva. 2016. № 3. S. 44–49.
4. Gassiev M. V. Aktual`nost` kriteriev Montevideo dlya issledovaniya instituta priznaniya gosudarstv v mezhdunarodnom prave // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 3. S. 93–96.
5. Zayacz D. V. Fenomen nepriznanny`x gosudarstv v sovremennom mire // Geograficheskaya sreda i zhivy`e sistemy`. 2020. № 1. S. 53–69.
6. Markedonov S. De-fakto gosudarstva: politicheskij fenomen postsovetskogo prostranstva // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodny`e otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2018. № 1(11). S. 24–40.
7. Mednikova A. A. Analiz problematiki instituta priznaniya gosudarstv // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2018. № 7(125). S. 114–117.
8. Nikolaev D. G. Fenomen nepriznanny`x gosudarstv v mirovoj politike // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodny`e otnosheniya i mirovaya politika. 2010. № 1. S. 27–41.
9. Popov F. A. Ot «bezgosudarstvennoj territorii» k «gosudarstvu de-fakto» // Mezhdunarodny`e processy`. 2011. T. 9, № 2(26). S. 16–28.
10. Ry`bakov A. V. Priznanie mezhdunarodny`m soobshhestvom novy`x gosudarstv: problemy` i praktiki // Vlast`. 2018. T. 26, № 4. S. 134–139.
11. Tolsty`x V. L. Priznanie i nepriznanny`e gosudarstva v nachale XXI v. // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 5(134). S. 135–151.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 347.94

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Чен Бинг, Ph.D., профессор и соруководитель аспирантуры юридического факультета, Нанькайский университет при Нанкинском университете почты и телекоммуникаций, gsonwaybrunel_law@icloud.com

Аннотация

Тема доказывания входит к число ключевых проблем гражданского процесса. Гражданский процессуальный кодекс РФ, регламентирующий понятие и виды доказательств, порядок исследования доказательств в целом и необходимость их оценки с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности – с точки зрения достаточности, не конкретизируется некоторые важные аспекты, в связи с чем и возникают некоторые проблемы. Автор среди проблем отмечает вопрос свидетельского иммунитета, обеспечиваемого отдельным категориям лиц, в том числе гражданам, находящимся в семейных отношениях; отмечает наличие семейных связей между лицами, которые де-юре не состоят в семейных отношениях; проблемы использования электронных доказательств и отсутствие норм, которые бы регулировали порядок представления, форму и требования к их оценке. Также в статье затронут вопрос использования в гражданском процессе при доказывании полиграфа и изучена позиция Верховного суда РФ по этому поводу. В итоге автор излагает некоторые предложения общего характера по совершенствованию процесса доказывания по гражданским делам в таких аспектах, как предоставление свидетельского иммунитета, использование электронных доказательств, а также полиграфа.

Ключевые слова: ГПК РФ, детектор лжи, доказательство, доказывание, полиграф, свидетель, свидетельский иммунитет, скриншот, электронные доказательства

Статья поступила в редакцию 15.03.2025, одобрена после рецензирования 23.04.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

ON SOME TOPICAL ISSUES OF THE LEGAL REGULATION OF EVIDENTIARY ISSUES IN CIVIL PROCEEDINGS

Chen Bing, Ph.D., Professor and Co-Director of Graduate Studies, Faculty of Law, Nankai University at Nanjing University of Posts and Telecommunications

Abstract

The topic of proof is one of the key issues of the civil procedure. The Code of Civil Procedure of the Russian Federation, which regulates the concept and types of evidence, the procedure for examining evidence in general, and the need to evaluate it in terms of relevance, admissibility, reliability, and collectively in terms of sufficiency, does not specify some important aspects, which raises some problems. The author notes among the problems the issue of witness immunity provided to certain categories of persons, including citizens in family relationships.; Notes the existence of family ties between persons who are not in a de jure family relationship; problems with the use of electronic evidence and the lack of standards that would regulate the presentation procedure, form and requirements for their assessment. The article also touches upon the issue of using a polygraph in civil proceedings and examines the position of the Supreme Court of the Russian Federation on this issue. As a result, the author outlines some general proposals to improve the evidentiary process in civil cases in such aspects as the provision of witness immunity, the use of electronic evidence, as well as a polygraph.

Keywords: Civil Procedure Code of the Russian Federation, lie detector, proof, proof, polygraph, witness, witness immunity, screenshot, electronic evidence

Введение

Доказывание находится в числе важнейших проблем отечественного гражданского процесса, что в значительной мере актуализирует рассматриваемую тему. Помимо того, есть множество дискуссионных аспектов доказывание, которые требуют пристального внимания. В частности, в настоящее время весьма сложными остаются вопросы обеспечения свидетельского иммунитета для отдельных лиц и, соответственно, имеет место дискуссия о сокращении или расширении такого круга лиц, вопросы пересмотра оснований, дающих право на свидетельский иммунитет. Достаточно сложным является вопрос о представлении и использовании разного рода доказательств, полученных посредством цифровых (электронных) технологий. Крайне интересным и неоднозначным является вопрос использования так называемого детектора лжи (полиграфа). Эти аспекты порождают массу вопросов, на которые нельзя дать однозначного ответа, исходя из буквального содержания норм гражданского процессуального законодательства. В связи с этим и аргументируется необходимость более тщательного осмысления доказывания.

Основная часть

Согласно абз. 1 ч. 1 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГПК РФ), доказательствами признаются полученные в законном порядке «сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела».

Абз. 2 ч. 1 ст. 55 позволяет суду получать доказательственные сведения из следующих источников:

- из объяснений сторон;

- из объяснений третьих лиц;
- из свидетельских показаний;
- из письменных доказательств;
- из вещественных доказательств;
- из аудио- и видеозаписей;
- из заключений экспертов.

Несмотря на достаточно широкий спектр источников доказательств (видов доказательств), в указанной норме не содержится упоминаний об электронных (цифровых) источниках доказательственных сведений, что уже создаёт определённые предпосылки для выделения соответствующей проблематики. И это становится особенно актуально эпоху цифровизации.

Необходимо обратить внимание на ст. 56 ГПК РФ, регламентирующую общие вопросы касательно обязанности доказывания по гражданскому делу. Указанная норма обязывает каждую из сторон доказывать наличие тех обстоятельств, на которые она ссылается. Что же касается суда, то он выносит обстоятельства на обсуждение, определяет, что именно должна каждая из сторон доказать.

Принципиально важно отметить и положения 67 ГПК РФ, устанавливающие порядок оценки доказательств. Исходя из п. 1 указанной статьи, каждое из доказательств оценивается судом по внутреннему убеждению, которое базируется на исследовании доказательств. Причем такое исследование должно быть:

- всесторонним;
- полным;
- объективным;
- непосредственным.

В данном случае всесторонний и полный характер исследования доказательств отражает необходимость восприятия, анализа и оценки всех аспектов каждого конкретного доказательства и всех доказательств в

совокупности. В этом плане представляется недопустимым отказываться от исследования какого-либо одного или нескольких значимых аспектов доказательств, или отказываться от исследования какого-либо из доказательств.

Что касается объективности, то она в целом требует, чтобы каждое из доказательств исследовалось именно таким, каким оно является на самом деле. Думается, что, устанавливая такое требование к исследованию доказательств, законодатель стремился минимизировать субъективную составляющую. Хотя в полной мере говорить об объективности исследования доказательств вряд ли представляется возможным хотя бы по той причине, что суд оценивает любое из доказательств по внутреннему убеждению. А такое убеждение, очевидно, всегда носит субъективный характер, в той или иной степени. И в этой связи видится определённое противоречие.

С другой стороны, исследование доказательств по внутреннему убеждению суда позволяет обеспечивать определённую гибкость, адаптивность норм ГПК РФ в каждой из ситуаций, учитывать специфику каждого конкретного спора.

Непосредственность исследования доказательств означает, что именно судья обязан исследовать каждое доказательство, или, по крайней мере, принимать в этом активное участие, даже если имеет место использование результатов экспертизы. В этой связи руководствоваться чьим-либо мнением, принимать его за однозначное доказательство без самостоятельного восприятия представляется необоснованным с точки зрения рассматриваемой нормы.

Безусловно, на практике непосредственность исследования доказательства означает, что судья обязан самостоятельно воспринимать каждое из доказательств (прочитать документ, осмотреть фотографию, осмотреть видеозапись, прослушать видеозапись, прослушать показания свидетелей, объяснения сторон, третьих лиц и пр.), дать ему правовую оценку.

Что касается критериев оценки доказательств, то, согласно п. 3 ст. 67 ГПК РФ, она осуществляется с позиций:

- относимости;
- допустимости;
- достоверности

Далее все доказательства в комплексе оцениваются с позиции достаточности и взаимосвязи.

Изложенное отражает сложившийся порядок доказывания по гражданским делам. И этот порядок в целом остаётся неизменным уже на протяжении многих лет. Вместе с тем, некоторые проблемы, касающиеся правового регулирования и практики доказывания, имеют место быть. В этой связи первоочередное внимание стоит обратить на вопрос установления и использования так свидетельского иммунитета, позволяющего отказаться от дачи показаний на законных основаниях.

Ч. 4 ст. 69 ГПК РФ гласит, что вправе отказаться от дачи свидетельских показаний, в частности:

- гражданин против самого себя;
- супруг против супруга, дети, в том числе усыновленные, против родителей, усыновителей, родители, усыновители против детей, в том числе усыновленных;
- братья, сестры друг против друга, дедушка, бабушка против внуков и внуки против дедушки, бабушки.

Думается, что такой подход законодателя в целом обоснован, поскольку обеспечивает возможность сохранения как семейных ценностей, в целом носящих нематериальную основу, так и семейной тайны, которая является конституционно охраняемой ценностью. В то же время освобождая соответствующих лиц от обязанности свидетельствовать в тех или иных ситуациях, суд предупреждает случаи дачи необъективных показаний, обусловленных той или иной заинтересованностью.

Вместе с тем ГПК РФ не обеспечивает свидетельский иммунитет некоторым лицам, которые, не являясь членами семьи де-юре, могут быть

такowymi де-факто. Ю. О. Чебыкина отмечает, что порой сожители, бывшие супруги или иные лица, не обладающие свидетельским иммунитетом, могут быть ближе, чем близкие родственники, и поэтому не объективны. Вместе с тем она полагает, что нет необходимости для указанных лиц вводить свидетельский иммунитет [10, с. 78]. Думается, что данная позиция является вполне аргументированной.

Более того, указанным автором формулируется предложение об изменении норм ГПК РФ с целью наделения суда полномочиями самостоятельно решать вопрос о свидетельском иммунитете отдельных лиц и при необходимости освобождать от дачи свидетельских показаний, учитывая конкретные обстоятельства дела [10, с. 80]. Думается, что данная идея вполне заслуживает поддержки.

Что касается электронных доказательств, то вопрос их использования в отечественной науке гражданского процесса остаётся крайне спорным, ввиду отсутствия в ГПК РФ необходимых конкретизирующих норм [7, с. 60].

Есть мнение о возможности причисления их к письменным доказательствам; есть мнение о причислении их к вещественным доказательствам; есть позиция, согласно которой они представляют собой самостоятельные доказательства [5, с. 381-382]. Автор настоящей статьи придерживается последней позиции.

Примечательно, что ГПК РФ не содержит практически никаких норм, которые бы конкретизировали форму, порядок оценки и проверки доказательств из электронных источников, например, скриншотов. Более того, такого понятия, как «скриншот», в ГПК РФ, что подчеркивает Е. А. Кухтурская [8, с.73]. При этом Пленум Верховного Суда РФ указал на возможность использования скриншотов наравне с прочими доказательствами [2]. Однако Пленум в данном случае не уточнил, стоит ли оценивать указанный вид доказательств, например, на предмет возможной фальсификации, учитывая широкие возможности для создания и редактирования скриншотов.

Учитывая указанный правовой пробел, в литературе высказываются предложения о более детальной регламентации вопросов представления электронных доказательств, в том числе и электронной переписки [6. 36]. Соглашаясь в целом с обоснованностью такого рода рекомендаций, представляется принципиально важной детальная проработка каждой из норм, применительно к каждому виду электронных доказательств.

Не менее актуальным остаётся вопрос использования так называемого детектора лжи (полиграфа). В рамках этой проблематики, как отмечает И. П. Попова, «на сегодня больше вопросов, чем ответов» [9, с. 79], что во многом обусловлено отсутствием каких-либо конкретизирующих норм в ГПК РФ. Иными словами, нет ни запретов, ни норм, допускающих его применение.

П. Д. Шкурова и А. В. Сокол высказываются о недопустимости применения результатов исследования с использованием полиграфа [11, с. 103], что в целом оправданно.

Верховный Суд РФ еще в 2017 г. отметил несоответствие полученных с помощью полиграфа доказательств требованиям, в частности, требованию достоверности, правда, в рамках уголовного процесса [3].

Вместе с тем, в судебной практике по гражданским делам встречаются случаи, когда стороны ссылаются на данные экспертизы, проведенный при использовании полиграфа [4]. И в этой связи невозможно оценить, каким образом влияют такого рода экспертизы на принятие конкретных решений судами. Тем не менее, указанная позиция Верховного Суда РФ, выраженная по поводу применения полиграфа в уголовном процессе, должна экстраполироваться и на гражданский процесс. Соответственно, использование доказательств, полученные при помощи полиграфа, целесообразно исключить ввиду их несоответствия критерию достоверности.

Заключение

Обобщая результаты проведенного анализа, представляется возможным сделать вывод о наличии некоторых проблем, связанных с правовым регулированием вопросов доказывания по гражданским делам.

Одна из проблем касается наделения свидетельским иммунитетом некоторых лиц, которые находятся в семейных отношениях. Проблема в том, что в некоторых случаях лица, которые де-факто составляют одну семью, де-юре членами семьи не являются. В связи с этим целесообразно рассмотреть возможность наделения суда правом предоставить свидетельский иммунитет лицам, которые де-факто состоят (состояли ранее) в семейных отношениях, даже если таковые де-юре не оформлены (не были оформлены ранее).

Другая проблема связана с неурегулированностью вопросов представления, изучения и оценки электронных доказательств как в целом, так и в отношении каждого их вида. Соответственно, целесообразно дополнить ГПК РФ комплексом норм, которые бы обеспечили регламентацию данного вопроса, особенно в части обеспечения идентификации и аутентификации.

Остающийся до сих пор не урегулированным вопрос применения полиграфа тоже требует внимания. В этой связи целесообразно в рамках гражданского процесса учесть позицию Верховного Суда РФ по поводу применения полиграфа и внести в ГПК РФ норму, исключив возможность ссылаться на доказательства, полученные посредством полиграфа, ввиду несоответствия их критерию достоверности.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 окт. 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 30 окт. 2002 г. (с изм. и доп. от 29 дек. 2022) // Рос. газ. – 2002. – 20 нояб.; 2023. – 9 янв.

2. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23 апр. 2019 г. № 10. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мар. 2017 г. № 59-АПУ17-3. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 17 февр. 2017 г. по делу № 33-2708/2017. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Голубцов В. Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 379-387.
6. Журавлева М. Д. Электронная переписка как доказательство в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 4(11). С. 31-38.
7. Захаренко В. В. Проблема представления электронного документа в качестве доказательства в гражданском и арбитражном процессах / В. В. Захаренко // Вестник науки и образования. 2018. Т. 2, № 7 (43). С. 56-61.
8. Кухтурская Е. А. Использование электронных доказательств в цивилистическом процессе: проблемы теории и практики // Евразийская адвокатура. 2020. № 4(47). С. 70-74.
9. Попова И. П. Использование полиграфа: вопросы без ответов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (11). С. 75-80.
10. Чебыкина Ю. О. Проблемы использования свидетельских показаний в качестве средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Наука без границ. 2017. № 5 (10). С. 76-81.
11. Шкурова П. Д., Сокол А. В. О недопустимости заключения психофизиологической экспертизы в качестве доказательства в гражданском судопроизводстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 1 (51). С. 102-107.

References

1. Grazhdanskij processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14 noyab. 2002 g. № 138-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 23 okt. 2002 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 30 okt. 2002 g. (s izm. i dop. ot 29 dek. 2022) // Ros. gaz. – 2002. – 20 noyab.; 2023. – 9 yanv.
2. O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii : postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Ros. Federacii ot 23 apr. 2019 g. № 10. Dostup iz sprav. pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
3. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovny`m delam Verxovnogo Suda RF ot 29 mar. 2017 g. № 59-APU17-3. Dostup iz sprav. pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
4. Apellyacionnoe opredelenie Sverdlovskogo oblastnogosuda ot 17 fevr. 2017 g. po delu № 33-2708/2017. Dostup iz sprav. pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
5. Golubczov V. G. Teoriya dokazatel`stv i cifrovizaciya v grazhdanskom sudoproizvodstve // Permskij juridicheskij al`manax. 2019. № 2. S. 379-387.
6. Zhuravleva M. D. E`lektronnaya perezpiska kak dokazatel`stvo v grazhdanskom sudoproizvodstve // Gumanitarny`e i politiko-pravovy`e issledovaniya. 2020. № 4(11). S. 31-38.
7. Zaxarenko V. V. Problema predstavleniya e`lektronnogo dokumenta v kachestve dokazatel`stva v grazhdanskom i arbitrazhnom processax / V. V. Zaxarenko // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2018. T. 2, № 7 (43). S. 56-61.
8. Kuxturskaya E. A. Ispol`zovanie e`lektronny`x dokazatel`stv v civilisticheskom processe: problemy` teorii i praktiki // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 4(47). S. 70-74.
9. Popova I. P. Ispol`zovanie poligrafa: voprosy` bez otvetov // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2019. № 3 (11). S. 75-80.
10. Cheby`kina Yu. O. Problemy` ispol`zovaniya svidetel`skix pokazanij v kachestve sredstva dokazy`vaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom processe // Nauka bez granicz. 2017. № 5 (10). S. 76-81.

11. Shkurova P. D., Sokol A. V. O nedopustivosti zaklyucheniya psixofiziologicheskoy e`kspertizy` v kachestve dokazatel`stva v grazhdanskom sudoproizvodstve // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 1 (51). S. 102-107.

Научная статья

УДК 347.6

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СПЕЦИФИКА, СОСТАВ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Печинская Елена, к.ю.н., доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, elpechinskaya.bs@gmail.com

Аннотация

Цель данной статьи заключается в разработке предложений по совершенствованию норм законодательства об обязательствах, возникающих из семейных отношений. В процессе ее достижения автор рассматривает понятие и правовую природу обязательств в семейном праве, специфику указанных обязательств, а также анализирует проблемы их реализации. Автор подчеркивает гражданско-правовой характер обязательств, возникающих из семейных отношений, а также обусловленность таких обязательств спецификой семейных отношений; рассматривает особенности субъектного состава, оснований возникновения семейно-правовых обязательств, также их личный характер. Особое внимание в статье сосредоточено на изучении отдельных проблем правового регулирования семейно-правовых обязательств – проблеме баланса интересов сторон алиментных обязательств и проблеме регулирования общих (долговых) обязательств супругов. Делается вывод о необходимости внесения изменений в нормы законодательства, предполагающих обязательный пересмотр размера алиментных обязательств в твердой денежной сумме в случае существенного снижения размера дохода плательщика алиментов; предлагается обязать потенциального кредитора при принятии решения о выдаче кредита состоящему в браке лицу предварительно запрашивать согласие второго супруга, и в случае неполучения такого согласия исключить возможность взыскания по такому обязательству со второго.

Ключевые слова: алиментные обязательства, алименты, имущественные обязательства, обязательства супругов, семейное право, семейные отношения, Семейный кодекс РФ

Статья поступила в редакцию 06.04.2025, одобрена после рецензирования 28.04.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

OBLIGATIONS FROM FAMILY RELATIONSHIPS: SPECIFICS, COMPOSITION AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Pechinskaya Elena, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The purpose of this article is to develop proposals for improving legislation on obligations arising from family relationships. In the process of achieving this goal, the author examines the concept and legal nature of obligations in family law, the specifics of these obligations, and analyzes the problems of their implementation. The author emphasizes the civil-law nature of obligations arising from family relations, as well as the conditionality of such obligations by the specifics of family relations.; considers the features of the subject composition, the grounds for the emergence of family-legal obligations, as well as their personal nature. Special attention in the article is focused on the study of individual problems of the legal regulation of family obligations - the problem of balancing the interests of the parties to alimony obligations and the problem of regulating the common (debt) obligations of spouses. It is concluded that it is necessary to amend the legislation, providing for a mandatory review of the amount of alimony obligations in a fixed amount in the event of a significant reduction in the amount of income of the alimony payer; it is proposed to oblige a potential creditor, when deciding whether to grant a loan to a married person, to first request the consent

of the second spouse, and in case of non-receipt of such consent, exclude the possibility of recovery for such commitment from the second.

Keywords: alimony obligations, alimony, property obligations, obligations of spouses, family law, family relations, Family Code of the Russian Federation

Введение

Обязательства, обусловленные семейными правоотношениями, характеризуются определённой спецификой, существенно отличающей их от других обязательств гражданско-правового характера. В связи с этим возникает необходимость выявления такой специфики, что представляется непростой задачей. Также, с учетом неоднозначности норм Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ) и Семейного кодекса РФ [2] (далее – СК РФ), можно говорить и о необходимости изучения проблем реализации (исполнения) обязательств, обусловленных семейными отношениями. Особенно это касается проблематики алиментных обязательств супругов, регулирование которых вызывает массу вопросов и требует пристального внимания.

С учетом изложенных аргументов целью данной статьи является разработка предложений по совершенствованию норм законодательства об обязательствах, возникающих из семейных отношений.

Понятие и правовая природа обязательств в семейном праве

Базовые нормы, регулирующие обязательственное право, в том числе и применительно к семейным правоотношениям, регулируются нормами ГК РФ. В этой связи первоочередное внимание следует обратить на п. 1 ст. 307 ГК РФ, согласно которой обязательство предполагает обязанность одного субъекта, именуемого должником, совершить в пользу другого субъекта, именуемого кредитором, определенное действие либо воздержаться от совершения определенного действия, а кредитор, в свою очередь, вправе требовать от должника исполнения соответствующей обязанности.

В числе действий, охватываемых понятием «обязательство», могут быть, в частности:

- передача имущества;
- выполнение работы;
- оказание услуги;
- внесение вклада в совместную деятельность;
- уплата денег.

Представленный перечень действий не являются исчерпывающим, но здесь перечислены именно наиболее часто встречающиеся в обязательствах действия.

В качестве оснований, обуславливающих возникновение обязательства, п. 2 ст. 307 ГК РФ предусматривает:

- договоры и другие сделки;
- причинение вреда;
- неосновательное обогащение;
- иные основания, предусмотренные нормами ГК РФ.

Примечательно, что. п. 2 ст. 307 ГК РФ в качестве иных оснований допускает только те, которые указаны «в настоящем Кодексе», то есть ГК РФ. Это свидетельствует о том, что законодатель при регламентации общих вопросов обязательственного права упускает из виду также возможные основания, которые могут быть предусмотрены другими федеральными законами, имеющими непосредственное отношение к отрасли гражданского законодательства, в частности, СК РФ.

В контексте изложенного представляется принципиально важным уточнить, что семейное право включается в отрасль гражданского права, так как нормы гражданского законодательства распространяют свое действие и на семейные правоотношения «постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений», о чем говорится в ст. 4 СК РФ. Более того, исходя из положения ст. 5 СК РФ, гражданское законодательство может применяться и к

семейным отношениям по аналогии (аналогия закона), если необходимые нормы отсутствуют в семейном и гражданском законодательстве.

В контексте изложенного следует подчеркнуть, что вопрос о правовой природе семейных (семейно-правовых обязательств) относится к числу дискуссионных, поскольку гражданско-правовая природа таких обязательств в литературе нередко оспаривается, на что указывает, в частности, А. А. Куттубаев [4, с. 270].

Более того, в литературе даже ставился вопрос о допустимости применения понятия «обязательство» к семейному праву, ввиду отличий гражданско-правовых оснований возникновения обязательства от семейно-правовых оснований, а также ввиду неуместности применения к семейным правоотношениям таких терминов, как «кредитор» и «должник» [4, с. 270–271]. Признавая в общем обоснованность такой позиции, нельзя не заметить, что ряд элементов, которые традиционно свойственны гражданскому праву, имеют место и в семейном праве, причём на вполне законных основаниях.

Например, когда речь идёт об алиментных обязательствах, возлагаемых на одну из сторон в соответствии с нормами гл. 13 СК РФ, то вполне уместно говорить, как минимум, о наличии должника, в качестве которого выступает, например, родитель (по отношению к своему ребенку). В этом контексте нельзя не упомянуть и о брачном договоре, который, несмотря на урегулированность нормами семейного права, имеет лишь опосредованное отношение к семейным отношениям (в широком смысле этого слова), так как не предполагает регулирование неимущественных отношений, а затрагивает исключительно имущественные отношения, согласно ст. 42 СК РФ, которые имеют гражданско-правовую природу.

Таким образом, применение понятий «обязательство» и «обязательственные правоотношения» семейному праву и к семейным правоотношениям вполне уместно, и соответствует нормам действующего законодательства, причём как гражданского, так и семейного, особенно если

учитывать, что «договор является формой обязательственного правоотношения» [3, с. 90].

В то же время такие обязательства имеют свою специфику, которая обуславливается особенностями семейных отношений, которые в значительной мере имеющих характеризуются неимущественным аспектом.

Специфика обязательств, возникающих из семейных отношений

Обязательствам, возникающим из семейных отношений, в целом свойственны те же черты, которые характерны и всем прочим обязательствам, на что справедливо указывает А. А. Куттубаев [4, с.271]. При этом представляется недопустимым полное смешение семейно-правовых обязательств с иными обязательствами гражданско-правового характера. В этой связи можно отметить следующее: любое семейно-правовое обязательство относится к категории гражданско-правовых обязательств, но не каждое гражданско-правовое обязательство является семейно-правовым обязательством.

Семейно-правовые обязательства отличаются от иных обязательств гражданско-правового характера следующими аспектами:

- субъектным составом;
- основаниями возникновения;
- личным характером;
- длящимся характером [4, с.271].

Специфика субъектного состава выражается в том, что в таких отношениях могут участвовать лишь лица, являющиеся субъектами семейных отношений, находящиеся друг с другом в брачно-родственных, семейных связях. В этом плане появление брачно-родственных, семейных связей можно рассматривать как предпосылку и необходимое условие возникновения семейно-правовых обязательств.

Основания возникновения рассматриваемых обязательств определяются, в первую очередь, нормами СК РФ, которые коррелируются с нормами ГК РФ. И

такими основаниями могут быть, например, брачный договор, соглашение об уплате алиментов и пр. В качестве основания возникновения семейно-правовых обязательства (в широком смысле можно) рассматривать и сам факт и государственной регистрации брака.

Личный характер семейно-правовых обязательств выражается в том, что для их исполнения принципиально важна личность исполнителя. Например, в случае возникновения алиментных обязательств в пользу ребенка исполнителем может быть лично родитель, при этом соответствующий долг не может перейти в порядке переуступки, в отличие от иных гражданско-правовых обязательств. Более того, многие обязательства семейно-правового характера не допускаются исполнять с привлечением представителя.

Специфика обязательств, возникающих из семейных правоотношений, выражается также в составе таких обязательств. В их числе выделяются, например:

- обязательства, предусмотренные брачным договором;
- алиментные обязательства (родителей и детей, супругов и бывших супругов);
- обязательства, возникающие из договора о приемной семье.

Д. А. Матанцев также выделяет обязательства из причинения вреда применительно к семейному праву [7], что тоже нельзя назвать бесосновательным, так как и в рамках семейных правоотношений не исключены случаи причинения как морального, так и имущественного вреда.

Перечисленные категории обязательств носят в основном имущественный характер. В то же время помимо них имеют место и иные обязательства, прежде всего, неимущественного характера, связанные, в частности, с воспитанием, образованием детей, решением иных вопросов. Однако законодатель в нормах СК РФ отказывается от их перечисления и детального регулирования.

Проблемы реализации обязательств, возникающих из семейных отношений

В рамках семейного права имеется немало проблем, связанных с реализацией обязательств, причем вопросами уплаты алиментов обуславливается значительная часть семейно-правовой обязательственной проблематики.

В СК РФ более 40 статей посвящены вопросам регулированию алиментных обязательств. Причём такие обязательства могут возлагаться и на родителей, и на детей, и на иных членов семьи. При этом законодатель допускает вполне существенные отступления при решении вопросов об алиментных обязательствах. И в литературе в этой связи совершенно обоснованно отмечается необходимость обеспечения баланса интересов в элементарных правоотношениях на трех уровнях: законодательном, правоприменительном и индивидуальном [9, с. 79]. И законодательный уровень обеспечения баланса интересов, по убеждению автора, имеет является более значимым ввиду того, что от него во многом зависят и проблемы, возникающие в рамках правоприменения. И в этой связи не приходится говорить о том, что на законодательном уровне обеспечивается баланс интересов субъектов алиментных правоотношений. Так, ст. 81 и 83 СК РФ не содержат положений, предусматривающих обязанности суда по заявлению плательщика алиментов пересмотреть размер алиментов, выплачиваемых в твердой денежной сумме. Суд, руководствуясь ст. 81, лишь вправе уменьшить или увеличить эту сумму, но не обязан. Поэтому не исключена ситуация, когда доход плательщика алиментов существенно снизился, а размер алиментных обязательств в твердой денежной сумме остался по-прежнему высоким. В результате возникает риск дисбаланса, который суд не обязан устранить.

Другая проблема выражается в неурегулированности правового режима долговых обязательств супругов [5, с. 187], в результате чего может сложиться ситуация, когда у одного из супругов возникают кредитные обязательства, о которых другой супруг не осведомлен. Для решения этой проблемы в литературе высказываются предложения в введении законодательство норм, обязывающих

кредитора запрашивать письменное согласие второго супруга на заключение кредитного договора [6, с. 88], что представляется обоснованным и заслуживающим внимания. И думается, что реализация такого рода инициативы позволит исключить неясность п. 2 ст. 45 СК РФ, допускающего обращать взыскание на имущество обоих супругов по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи, но трактуемого не вполне единообразно, как отмечает [8, с. 94]. Реализация указанной инициативы позволит также устранить и некоторые проблемы в понимании общих обязательств супругов и оснований их возникновения [10, с. 125].

Заключение

Обязательства, возникающие из семейных правоотношений, довольно разнообразны и специфичны, что обуславливает необходимость учета этой специфики законодателем. При этом в нормах СК РФ им не уделяется должного внимания. Так, в отношении алиментных обязательств законодатель весьма неоднозначно подходит к вопросу обеспечения баланса интересов сторон. Есть и некоторые проблемы в вопросах регулирования общих обязательств супругов, выражающиеся в том, что законодательство не исключает появлением у состоящего в браке лица обязательств вопреки его воле.

С учетом выявленных проблем предлагается:

- во-первых, предусмотреть в ст. 81 СК РФ обязанность суда по заявлению плательщика алиментов пересмотреть размер алиментов, уплачиваемых в твердой денежной сумме, в случае существенного снижения размера его дохода;
- во-вторых, дополнить СК РФ либо ГК РФ нормами, обязывающими потенциального кредитора до заключения кредитного договора получить согласие второго супруга; в случае неполучения согласия кредитные обязательства предлагается рассматривать исключительно как обязательства непосредственного заемщика, а не совместные обязательства обоих супругов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 октября 1994 г. (с изм. и доп. от 16 апреля 2022 г.) // Рос. газета. – 1994. – 8 дек.; 2022. – 19 апр.
2. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 декабря 1995 г. (с изм. и доп. от 4 августа 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16; Рос. газета. – 2022. – 5 авг.
3. Джандарбек Б. А. Обязательственные брачно-семейные отношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 89–94.
4. Куттубаев А. А. К вопросу о правовой природе семейно-правовых обязательств // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 270–272.
5. Мазовка, Е. Н. Правовой режим долговых обязательств супругов // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 11-11(79). С. 178–179.
6. Мазовка Е. Н. Признание долговых обязательств общими обязательствами супругов: анализ судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 12(121). С. 82–89.
7. Матанцев Д. А. Возмещение вреда как санкция в семейном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5(78). С. 82–86.
8. Низамиева О. Н. Презумпция общности имущества супругов и их ответственность по обязательствам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3(110). С. 90–95.
9. Пьянкова А. Ф. Баланс интересов в алиментных правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1(86). С. 77–87.
10. Фирсова Н. В., Вагнер В. Р. К вопросу об общих обязательствах супругов // Аллея науки. 2018. Т. 2, № 8(24). С. 124–126.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii. Chast` pervaya : feder. zakon ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 21 oktyabrya 1994 g. (s izm. i dop. ot 16 aprelya 2022 g.) // Ros. gazeta. – 1994. – 8 dek.; 2022. – 19 apr.
2. Semejny`j kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 29 dekabrya 1995 g. № 223-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 8 dekabrya 1995 g. (s izm. i dop. ot 4 avgusta 2022 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. – 1996. – № 1. – St. 16; Ros. gazeta. – 2022. – 5 avg.
3. Dzhandarbek B. A. Obyazatel`stvenny`e brachno-semejny`e otnosheniya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2012. № 3. S. 89–94.
4. Kuttubaev A. A. K voprosu o pravovoj prirode semejno-pravovy`x obyazatel`stv // Problemy` e`konomiki i yuridicheskoy praktiki. 2009. № 5. S. 270–272.
5. Mazovka, E. N. pravovoj rezhim dolgovy`x obyazatel`stv suprugov // Aktual`ny`e nauchny`e issledovaniya v sovremennom mire. 2021. № 11-11(79). S. 178–179.
6. Mazovka E. N. Priznanie dolgovy`x obyazatel`stv obshhimi obyazatel`stvami suprugov: analiz sudebnoj praktiki // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2020. T. 15, № 12(121). S. 82–89.
7. Matancev D. A. Vozmeshhenie vreda kak sankciya v semejnom prave // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2017. № 5(78). S. 82–86.
8. Nizamieva O. N. Prezumpciya obshhnosti imushhestva suprugov i ix otvetstvennost` po obyazatel`stvam // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2016. № 3(110). S. 90–95.
9. P`yankova A. F. Balans interesov v alimentny`x pravootnosheniyax // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2018. № 1(86). S. 77–87.
10. Firsova N. V., Vagner V. R. K voprosu ob obshhix obyazatel`stvax suprugov // Alleya nauki. 2018. T. 2, № 8(24). S. 124–126.

Научная статья

УДК 347.626.2

ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

**Мороз Олег, к.ю.н., доцент, Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, olegmoroz.fac@mail.ru**

Аннотация

Принцип свободы договора, являющийся традиционным для гражданского права, нашёл свою реализацию и в сфере семейного права, применительно к брачному договору. В целом сущность свободы договора сводится к праву субъектов правоотношений заключать или не заключать договор, а также определять его условия в рамках, очерченных законодательством. При этом в семейном праве принцип свободы договора реализуется с некоторой спецификой, обусловленной характером семейных правоотношений и преобладанием в них неимущественного аспекта. Исходя из норм Семейного кодекса РФ, свобода брачного договора заключается, прежде всего, в широком круге возможностей супругов изменять режим своей собственности, установленный законодательно, причем как в отношении имеющейся собственности, так и в отношении собственности, которая может появиться в будущем. В статье отмечено, что свобода брачного договора законодателем существенно ограничена, а главное ограничение заключается в недопустимости регулирования личных неимущественных отношений, а также ущемлении какой-либо из сторон в реализации прав и свобод. Рассматривая в статье пример из судебной практики, автор указывает на игнорирование судом положений брачного договора, регулирующих именно неимущественные отношения. И с учётом такой практики, а также с учётом тесных взаимосвязей имущественных и неимущественных отношений, автором предложено внести в СК РФ дополнение, позволив сторонам регулировать брачным договором и личные неимущественные отношения.

Ключевые слова: брачный договор, заключение брачного договора, имущественные отношения супругов, недействительность брачного договора, неимущественные отношения супругов, свобода договора, содержание брачного договора, условия брачного договора

Статья поступила в редакцию 11.03.2025, одобрена после рецензирования 03.04.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

THE LIMITS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT WHEN CONCLUDING A MARRIAGE CONTRACT

Aleh Maroz, Candidate of Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The principle of freedom of contract, which is traditional for civil law, has also found its realization in the field of family law, in relation to the marriage contract. In general, the essence of freedom of contract is reduced to the right of subjects of legal relations to conclude or not to conclude a contract, as well as to determine its terms within the framework outlined by law. At the same time, in family law, the principle of freedom of contract is implemented with some specifics due to the nature of family legal relations and the predominance of the non-property aspect in them. Based on the norms of the Family Code of the Russian Federation, the freedom of a marriage contract consists primarily in a wide range of possibilities for spouses to change their property regime established by law, both in relation to existing property and in relation to property that may appear in the future. The article notes that the freedom of the marriage contract is significantly limited by the legislator, and the main limitation is the inadmissibility of regulating personal non-property relations, as well as the infringement of any of the parties in the exercise of rights and freedoms. Considering

an example from judicial practice in the article, the author points out that the court ignores the provisions of the marriage contract regulating precisely non-property relations. And taking into account this practice, as well as taking into account the close interrelationships of property and non-property relations, the author proposed to make an addition to the RF IC, allowing the parties to regulate the marriage contract and personal non-property relations.

Keywords: prenuptial agreement, conclusion of a prenuptial agreement, property relations of the spouses, invalidity of the marriage contract, non-property relations of the spouses, freedom of contract, content of the prenuptial agreement, conditions of the prenuptial agreement

Введение

Свобода договора является традиционным принципом гражданского права в целом, и семейного права в частности, позволяя субъектам соответствующих правоотношений регулировать широкий круг вопросов по своему усмотрению и в своих интересах. Однако было бы ошибкой признать указанный принцип абсолютным. Он имеет определенные пределы, которые обуславливаются нормами Гражданского кодекса РФ [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] (далее – ГК РФ) и Семейного кодекса РФ [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] (далее – СК РФ), и подтверждаются актуальной судебной практикой.

Вместе с тем, пределы реализации указанного принципа в брачном договоре ни ГК РФ, ни СК РФ четко не определяют, оставляя решение этой задачи на усмотрение самих сторон и судов, что не может не вызывать дискуссий в среде правоведов. И возможно, такой подход законодателя можно было бы расценивать положительно, но в современных реалиях он не способствует формированию единообразной судебной практики разрешения споров, связанных с брачными имущественными договорными отношениями. Поэтому автору видится необходимость глубокого осмысления проблематики свободы

брачного договора, пределов этой свободы, и разработки законодательных путей уточнения этих пределов, чему и посвящена настоящая статья.

Понятие о свободе договора

Идея свободы гражданско-правового договора на современном этапе развития отечественной правовой системы изначально получила воплощение в ст. 1 и ст. 421 ГК РФ, провозгласивших в числе основ гражданского законодательства указанный принцип, в рамках которого «граждане и юридические лица свободны в заключении договора», а «условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами». Последнее, согласно ст. 422 ГК РФ, означает, что «договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам».

П. 2 ст. 1 ГК РФ гласит, что стороны «свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора». В целом изложенные положения точно отражают содержание понятия «свобода договора», причём не только применительно к традиционным гражданско-правовым договорам, но и к брачному договору.

В литературе, отражающей проблематику свободы договора, обращается внимание на некоторые иные аспекты рассматриваемого принципа. Так, О. А. Кузнецова подчёркивает, что «стороны могут сконструировать новую, неизвестную законодательству модель договора либо объединить элементы различных договоров в одном (заключить смешанный договор)» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 10]. Однако такая возможность имеет значение в контексте гражданского законодательства в целом, и не является применимой к отношениям, регулируемым брачным договором.

Также О. А. Кузнецова указывает и «свободу формулировки названия договора» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 11], что обосновывает свободу выбора модели договора. Однако и эта составляющая рассматриваемого

принципа относится к гражданскому законодательству в целом, и ни коим образом не распространяется на сферу отношений, регулируемых брачным договором, если руководствоваться нормами СК РФ о брачном договоре.

Важно также подчеркнуть использование принципа свободы договора в законодательстве большинства зарубежных стран, «хотя и со своими особенностями содержания и применения» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 6]. Это свидетельствует о естественности рассматриваемого принципа для цивилистических отношений, его традиционности и особой значимости.

Законодательная основа принципа свободы брачного договора

Нормы ГК РФ, в том числе и провозглашающие принцип свободы договора, несомненно, распространяют свое действие на семейное право и сферу брачного договора, чему есть две причины:

- во-первых, ст. 256 ГК РФ, призванная урегулировать некоторые вопросы общей собственности супругов, содержит упоминание о брачном договоре, что свидетельствует о регулировании вопросов брачного договора, в том числе, и нормами ГК РФ;

- во-вторых, СК РФ допускает применение к семейным отношениям норм гражданского законодательства «постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений» (ст. 4 СК РФ), в том числе и по аналогии (ст. 5 СК РФ).

Однако реализация принципа свободы договора применительно к брачному договору происходит несколько иначе, с учётом специфики семейного законодательства и регулируемых им правоотношений. И одно из проявлений этой специфики заключается в отсутствии возможности произвольно выбирать модель договора и формулировку его названия, хотя такая возможность предусмотрена нормами ГК РФ, о чем говорилось выше.

В то же время наличие принципа свободы брачного договора сомнению не подвергается. Ведь, «заключая данный договор, супруги имеют возможность отклониться от норм совместной собственности» [**Ошибка! Источник ссылки н**

е найден., с. 222], и в этом связи свобода брачного договора проявляется уже в самом выборе супругов – заключать или не заключать его.

Более полное представление о специфике реализации принципа свободы брачного договора позволяют сформировать ст.ст. 42–43 СК РФ, которые предоставляют супругам возможности:

- изменить законодательно предусмотренный режим совместной собственности;
- ввести режим совместной, долевой или раздельной собственности, причем в отношении как всего имущества, так и в отношении его отдельных видов или имущества каждого из супругов;
- урегулировать режимы как имеющейся собственности, так и будущей;
- определить в брачном договоре свои права и обязанности по взаимному содержанию;
- урегулировать способы участия в доходах друг друга;
- определить порядок несения семейных расходов;
- заблаговременно согласовать вопросы раздела имущества на случай расторжения брака;
- внести в содержание брачного договора любых других норм, затрагивающих имущественные аспекты супружеской жизни;
- поставить имущественные права и обязанности в зависимости от истечения определенных сроков либо от наступления или ненаступления определенных условий.

Изложенные положения в целом отражают реализацию принципа свободы брачного договора. Однако реализация этой свободы очерчена определёнными границами, которые следует рассмотреть в отдельности.

Вопросы определения пределов реализации принципа свободы брачного договора

Итак, реализация принципа свободы брачного договора ограничена, прежде всего, положениями п. 3 ст. 42 СК РФ, устанавливающего следующие запреты:

- ограничивать правоспособность или дееспособность супругов;
- ограничивать права на обращение в суд;
- распространять брачный договор на регламентацию личных неимущественных отношений, а также прав и обязанностей в отношении детей;
- ограничивать право кого-либо из супругов на получение содержания;
- предусматривать любые условия, ставящие кого-либо из супругов в крайне неблагоприятное положение;
- вносить в договор нормы, не соответствующие «основным началам семейного законодательства».

Если же обратиться к научной литературе, то там представлены и иные ограничения. Так, О. Е. Романова и О. А. Морозова подчеркивают недопустимость упоминания об обязанностях третьих лиц [Романова, с. 439]. Соглашаясь с этим мнением, нельзя не отметить, что ситуации, когда брачный договор затрагивает права третьих лиц, вряд ли можно исключить полностью, даже запрещая упоминать о таких субъектах в рассматриваемом договоре.

Указанные авторы в качестве одного из ограничений свободы брачного договора отмечают и требования о его заключение в письменной форме, а также условие о нотариальном удостоверении [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 441]. Однако в обоснованности такой позиции можно усомниться, поскольку само требование о соблюдении письменной формы рассматриваемого договора и обязательности его нотариального удостоверения конкретных ограничений касательно содержания такого договора не содержит. Иначе говоря, дополнительные требования к форме и порядку удостоверения рассматриваемого договора никак не препятствуют сторонам в регулировании тех или иных аспектов брачно- имущественных отношений.

Следует заметить, что российское законодательство предоставляет сторонам достаточно широкие возможности в регулировании имущественных отношений путём заключения брачного договора, и не ограничивая их в изменении такого договора путем установления каких-либо сроков. А, например, право Франции, допускает изменение брачного договора лишь по прошествии двух лет с момента его подписания [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 17].

Однако сферу рассматриваемых правоотношений нельзя назвать беспроблемной, что во многом выражается в неоднозначности сложившейся судебной практики, учитывая которую, нельзя говорить о полном фактическом запрете на регулирование брачным договором неимущественных отношений. Этому способствует и то обстоятельство, что «личные неимущественные отношения постоянно взаимодействуют с отношениями имущественными» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 364]. Хотя и именно запрет на регулирование неимущественных отношений часто рассматривается как главное ограничение свободы брачного договора [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 230].

Иллюстрируя проблему, можно привести в пример Определение Верховного Суда РФ от 20 декабря 2016 г. № 5 КГ16-174 [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], в котором, несмотря на упоминание норм, прямо запрещающих регулировать брачным договором отношения неимущественного характера, было проигнорировано наличие в оспариваемом договоре таких положений.

Заключение

Трудно переоценить значение брачного договора и принципа его свободы, так как это инструмент, позволяющий реализовать супругам их имущественные права именно по собственному совместному усмотрению, отклонивших от тех базовых начал семейного законодательства, которые закреплены в нормах СК РФ, регулирующих имущественные аспекты супружеской жизни. Однако в

отечественной юриспруденции есть и такие авторы, которые ставят под сомнение значимую роль брачного договора и его позитивные аспекты. Так, Т. Е. Дьяченко и Е. Н. Лунёва полагают, что вопрос о полезности брачного договора остается открытым, так как, по их мнению, не исключено использование данного договора в качестве инструмента ущемления прав одного из супругов и кредиторов [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 75]. Вряд ли такой взгляд можно поддержать, хотя частные случаи злоупотреблений нельзя исключить ни при заключении рассматриваемого договора, ни при заключении каких-либо иных договоров. Но в любом случае законодатель предоставляет возможности и гарантии их реализации, в том числе, в виде нотариуса, дающего общую правовую оценку брачного договора с точки зрения соответствия действующему праву и равного соблюдения интересов обеих сторон, а использование этих возможностей уже зависит от самих сторон – супругов.

Но, обеспечив супругам право на относительно свободное регулирование имущественных отношений, законодатель недостаточно чётко конкретизировал пределы свободы договора в этом аспекте, в результате чего в судебной практике отдельные ограничения свободы брачного договора запреты игнорируются. Думается, что причиной тому является часто проявляющаяся тесная взаимосвязь имущественных и неимущественных отношений. С учетом этого целесообразно пересмотреть СК РФ в части запретов на регулирование личных неимущественных отношений брачным договором. Думается, что законодатель должен, пусть и с некоторыми ограничениями, допустить внесение в брачный договор положений, нацеленных на регулирование неимущественных отношений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 нояб. 1994 г. (с

изм. и доп. от 16 апр. 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – ст. 3301; 2022. – № 16. – ст. 2601.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 дек. 1995 г. (с изм. и доп. от 2 июл. 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 1. – ст. 16; 2021. – № 27 (ч. I). – ст. 5138.

3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. № 5-КГ16-174 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1502718.

4. Дьяченко Т. Е., Лунева Е. Н. Брачный договор – свобода выбора или инструмент ущемления прав одного из супругов и кредиторов // Modern Science. 2020. № 11–1. С. 75–78.

5. Кузнецова О. А. Свобода договорного регулирования // Современный юрист. 2020. № 1(30). С. 55–69.

6. Латрий К. Свобода заключения брачных договоров: различные имущественные выгоды и особые условия в брачных договорах // Нотариальный вестник. 2012. № 1. С. 13–17.

7. Поваров Ю. С. Содержание брачного договора: приемы ограничения свободы определения договорных условий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 230–236.

8. Романова О. Е., Морозова О. А. К вопросу об ограничении свободы брачного договора в РФ // Science Time. 2014. № 12. С. 437–445.

9. Сангинова М. А. Проблемы противоречивости личных неимущественных и имущественных отношений института брачного договора // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 3(24). С. 362–364.

10. Шумова К. А., Сидорова С. В. Брачный договор: основные аспекты, признание недействительным договора в суде // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6, № 8. С. 222–225.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast` pervaya ot 30 noyab. 1994 g. № 51-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 21 noyab. 1994 g. (s izm. i dop. ot 16 apr. 2022 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. – 1994. – № 32. – st. 3301; 2022. – № 16. – st. 2601.
2. Semejny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dek. 1995 g. № 223-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 8 dek. 1995 g. (s izm. i dop. ot 2 iyul. 2021 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. – 1996. – № 1. – st. 16; 2021. – № 27 (ch. I). – st. 5138.
3. Opredelenie Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20 dekabrya 2016 g. № 5-KG16-174 // Oficial`ny`j sajt Verxovnogo Suda RF. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1502718.
4. D`yachenko T. E., Luneva E. N. Brachny`j dogovor – svoboda vy`bora ili instrument ushhemleniya prav odnogo iz suprugov i kreditorov // Modern Science. 2020. № 11–1. S. 75–78.
5. Kuzneczova O. A. Svoboda dogovornogo regulirovaniya // Sovremenny`j yurist. 2020. № 1(30). S. 55–69.
6. Latrij K. Svoboda zaklyucheniya brachny`x dogovorov: razlichny`e imushhestvenny`e vy`gody` i osoby`e usloviya v brachny`x dogovorax // Notarial`ny`j vestnik. 2012. № 1. S. 13–17.
7. Povarov Yu. S. Soderzhanie brachnogo dogovora: priemy` ogranicheniya svobody` opredeleniya dogovorny`x uslovij // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2014. № 2. S. 230–236.
8. Romanova O. E., Morozova O. A. K voprosu ob ogranichenii svobody` brachnogo dogovora v RF // Science Time. 2014. № 12. S. 437–445.
9. Sanginova M. A. Problemy` protivorechivosti lichny`x neimushhestvenny`x i imushhestvenny`x otnoshenij instituta brachnogo dogovora // Baltijskij gumanitarny`j zhurnal. 2018. T. 7, № 3(24). S. 362–364.

10. Shumova K. A., Sidorova S. V. Brachny`j dogovor: osnovny`e aspekty`, priznanie nedejstvitel`ny`m dogovora v sude // Byulleten` nauki i praktiki. 2020. T. 6, № 8. S. 222–225.

Научная статья

УДК 340

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Макеева Ирина Сергеевна, к.ю.н., доцент, начальник кафедры, Уральский
юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
dolzhalekspbu@icloud.com**

Аннотация

Цель статьи – проанализировать отдельные наиболее важные проблемы правового регулирования предпринимательской деятельности в России и предложить меры по их разрешению. А ходе анализа рассматривается ведущая роль Конституции Российской Федерации декларируемые ей принципы правового регулирования предпринимательской деятельности и отмечается множественность источников федерального законодательства, регламентирующих данную деятельность. Выполняется обзорный анализ некоторых проблем правового регулирования предпринимательской деятельности, в частности, говорится о двух тенденциях – развитии жёсткого регулирования и снижении или устранении отдельных барьеров для субъектов предпринимательской деятельности. Автор обращает особое внимание на сложившуюся в налоговых органах и судах практику расширительного толкования норм об ответственности, подчёркивая при этом использование соответствующими органами терминов, которые не конкретизированы действующим законодательством. В качестве позитивного изменения отмечается введение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». В качестве заключения делается вывод о необходимости пересмотра подхода к разрешению правовых споров и дел о правонарушениях субъектов предпринимательства, и исключении из практики тех терминов, которые не нашли уточнение в законодательстве. Также

высказывается идея о необходимости разработки специального федерального закона в целях комплексной регламентации предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: бизнес, налог на профессиональный доход, предпринимательская деятельность, предпринимательское право, регулирование предпринимательской деятельности, самозанятость, хозяйственное право

Статья поступила в редакцию 23.03.2025, одобрена после рецензирования 20.04.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

**Irina Makeeva, Candidate of Law, Associate Professor, Head of Department,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg,
Russia**

Abstract

The purpose of the article is to analyze some of the most important problems of legal regulation of entrepreneurial activity in Russia and propose measures to resolve them. In the course of the analysis, the leading role of the Constitution of the Russian Federation, the principles of legal regulation of entrepreneurial activity declared by it, is considered and the multiplicity of sources of federal legislation regulating this activity is noted. An overview analysis of some problems of legal regulation of entrepreneurial activity is being carried out, in particular, two trends are mentioned – the development of strict regulation and the reduction or elimination of certain barriers for business entities. The author pays special attention to the practice of broad interpretation of liability rules established in tax authorities and courts, while emphasizing the use by the relevant authorities of terms that are not specified by the current legislation. The introduction of a special tax regime "Professional income tax"

is noted as a positive change. As a conclusion, it is concluded that it is necessary to review the approach to resolving legal disputes and cases of violations of business entities, and to exclude from practice those terms that have not been clarified in legislation. The idea is also expressed that it is necessary to develop a special federal law for the purpose of comprehensive regulation of business activities.

Keywords: business, professional income tax, entrepreneurial activity, business law, regulation of entrepreneurial activity, self-employment, economic law

Введение

Научная и практическая значимость института предпринимательства в целом, и законодательства о предпринимательской деятельности в частности, обуславливается конституционными нормами. Так, ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ) гарантирует каждому «право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Указанное право подкреплено и рядом других конституционных норм, в частности, ст. 8, гарантирующей свободу экономической деятельности, признание и охрану частной собственности, наравне с государственной, муниципальной и иными формами собственности, а также ст. 9, распространяющей право частной собственности, в том числе, и на землю. Помимо того, п. «е.3» ч. 1 ст. 144 Конституции возлагает на Правительство РФ полномочия по содействию «развитию предпринимательства и частной инициативы». Однако нормы федеральных законов и подзаконных нормативных актов, образующие правовую базу для осуществления предпринимательской деятельности и призванные на практике воплотить конституционные гарантии предпринимательства, зачастую оказываются несовершенными, в связи с чем нуждаются в анализе и корректировке.

Изложенным предопределена цель настоящей статьи – проанализировать отдельные наиболее важные проблемы правового регулирования

предпринимательской деятельности в России и предложить меры по их разрешению.

Общая характеристика правовых основ предпринимательства в России

Конституция РФ, являющаяся ориентиром для развития всех сфер правового регулирования, содержит ряд принципов, положенных в основу предпринимательства. В. А. Лаптев к таким принципам относит:

- законность;
- свободу экономической деятельности;
- свободу конкуренции и ограничение монополий;
- плюрализм и равную защиту всех форм собственности;
- единство экономического пространства;
- сочетание частноправовых и публично-правовых начал предпринимательства;
- государственное регулирование предпринимательства [10, с. 41–45].

Конечно при ином подходе круг принципов правового регулирования предпринимательской деятельности можно представить шире или уже, но в целом указанный перечень вполне точно отражает тот подход, который избрал отечественный законодатель для регулирования сферы предпринимательства и зафиксировал в Основном Законе.

Учитывая изложенное, Конституция РФ справедливо расценивается учеными как основной источник предпринимательского права [10], несмотря на то, что на конституционные нормы приходится лишь незначительная доля всего массива отечественного законодательства о предпринимательстве. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что и основная масса проблем в сфере правового регулирования предпринимательства обуславливается не столько недостатками Основного закона страны, сколько несовершенством иных источников предпринимательского права.

Характеризуя правовые основы предпринимательства в целом, важно подчеркнуть множественность источников федерального законодательства, к которым относится законодательство:

- гражданское;
- земельное;
- лицензионное;
- законодательство о банковской деятельности;
- бухгалтерское;
- налоговое;
- трудовое;
- об отдельных организационно-правовых формах предпринимательской деятельности;
- специальное законодательство, регламентирующее деятельность в отдельных отраслях экономики или промышленности;
- специальное законодательство, регулирующее отдельные аспекты предпринимательства (государственную регистрацию, защиту прав предпринимателей);
- законодательство, содержащее нормы об ответственности субъектов предпринимательства и пр.

Перечень конкретных источников законодательства в данном случае приводить не представляется целесообразным, ввиду их множественности. Но изложенное дает основания для выводов о том, что рассматриваемая отрасль законодательства крайне обширна.

Обзорный анализ некоторых проблем правового регулирования предпринимательства в России

Проблематика правового регулирования характеризуется двумя весьма значимыми и противоречащими друг другу тенденциями. Первая тенденция состоит в развитии достаточно жёсткого государственного регулирования, которое в значительной мере носит административный характер [12, с. 98]. В

этой связи не приходится сомневаться в том, что действующее законодательство представляет собой препятствие для активизации развития предпринимательства в России.

В качестве второй тенденции выступает стремление повысить престижность предпринимательской деятельности, стимулировать граждан к занятию такой деятельностью посредством устранения тех или иных юридических барьеров и ограничений. «Это касается, в том числе, законодательства о контроле за предпринимательской деятельностью, о лицензировании отдельных видов деятельности, техническом регулировании» [12, с. 98]. Особенно ярко эта тенденция проявилась в период пандемии коронавируса, когда субъекты бизнес в значительной мере был освобождён от традиционных государственных контрольно-надзорных проверок.

Однако в целом вторая тенденция выражена более отчётливо на протяжении последних лет развития законодательства о предпринимательстве, что дает основания отдельным авторам утверждать о наличии высоких барьеров и препятствий, осложняющих предпринимательскую деятельность, в особенности субъектам малого и среднего предпринимательства. Так, Ю. А. Крупнов отмечает, что субъекты, представляющие крупный бизнес, в числе которых выделяются государственные корпорации, имеют достаточно мощный административный и иные ресурсы, что позволяет им пользоваться государственной поддержкой, рассчитывать на протекционизм. В то же время субъекты малого и среднего бизнеса, которые ведут деятельность в условиях более жёсткой конкуренции и рынка, в большей мере подвержены давлению контрольно-надзорных органов и применению разного рода санкций [9, с. 61].

Здесь особо следует отметить сложившуюся в Федеральной налоговой службе России (далее – ФНС России) практику расширительного толкования норм о правонарушениях. Так, к контролирующим должника лицам ФНС России относит в том числе и тех субъектов, которые в законодательстве прямо не предусмотрены, требуя придерживаться такого же подхода и от своих

подразделений [5]. Верховный Суд РФ не поддерживает такой подход, о чем пишет в одном из своих постановлений Пленума [3].

В тоже время и ФНС России, и Верховный Суд РФ, как и другие суды, при рассмотрении дел в отношении предпринимателей часто оперируют терминами, которые законодательством не конкретизированы. Например, понятие «технический заёмщик» не определено ни в одном федеральном законе или федеральном подзаконном нормативном правовом акте, однако фигурирует в судебных актах [4], давая широкие возможности для расширительного толкования норм об ответственности.

Вместе с тем государство нередко стремится сделать более благоприятными условия для ведения предпринимательской деятельности посредством введения тех или иных специальных правовых режимов. Но в литературе отмечается, что в большинстве федеральных законов не определены ни цели, ни показатели оценки достижения цели, ни тем более механизмы оценки эффективности. Причем указанное касается также подзаконных нормативно-правовых актов [6, с. 151; 8].

Но нельзя отрицать существенность позитивных изменений, произошедших в сфере регулирования предпринимательской деятельности за последние годы благодаря, например, введению режима «Налог на профессиональный доход». Так, если в 2017 г. в контексте проблематики незаконного предпринимательства отмечалось, что «самозанятые лица не платят налогов и страховых взносов и никак не отслеживаются государством в качестве участников трудового сектора» [7, с. 109], то в 2020 г. ситуация стала кардинально меняться в связи с введением указанного специального экспериментального налогового режима [2]. И в настоящее время самозанятые граждане уже рассматриваются не как неплательщики налогов, а как физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, «осуществляющие профессиональную деятельность, при которой они не имеют работодателя и не привлекают наёмных работников по трудовому договору, применяющие особый

налоговый режим с момента уведомления об осуществлении указанной деятельности в установленном порядке налогового органа» [11, с. 46].

То есть государством сравнительно быстро был создан правовой механизм, благодаря которому граждане получили возможность законно заниматься предпринимательством, добровольно выйти «из тени», не сталкиваясь с какими-либо административными и иными барьерами, поскольку порядок государственной регистрации и ведения отчётности в рамках указанного налогового режима максимально упрощён – у гражданина даже не возникает необходимости посещения налоговых органов.

Здесь надо отметить, что де-юре статус лиц, избравших указанный налоговый режим, принципиально отличается от статуса индивидуальных предпринимателей и юридических лица, поскольку самозанятые не признаются субъектами предпринимательства с точки зрения закона. В то же время характер их деятельности позволяет с научной точки зрения их рассматривать как предпринимателей. Соответственно, законодательство, регулирующее их деятельность, тоже относится к предпринимательскому.

Заключение

Таким образом, в области правового регулирования предпринимательской деятельности присутствует множество проблем, ввиду наличия которых в целом законодательство о предпринимательстве можно характеризовать как далёкое от совершенства. И безусловно, многие его нормы нуждаются в пересмотре. Представляется важным пересмотреть подход к разрешению правовых споров и дел об правонарушениях субъектов предпринимательства, исключив из правоприменительной практики употребление тех специальных терминов, которые в федеральных законах не уточнены. Более того, представляется целесообразным рассмотрение вопроса о разработке и введении специального федерального закона, который бы комплексно регламентировал вопросы ведения предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. – 1993. – 26 дек.
2. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» : федер. закон от 27 нояб. 2018 г. № 422-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 15 нояб. 2018 г. : одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 23 нояб. 2018 г. (с изм. и доп. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 49 (ч. I). – Ст. 7494; 2021. – № 27 (ч. I). – Ст. 5133.
3. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 дек. 2017 г. № 53 // Портал Верховного Суда Рос. Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26272/> (дата обращения: 01.02.2025).
4. Определение Верховного Суда РФ от 24 фев. 2022 г. № 304-ЭС16-17384(37) по делу № А03-20515/2015 // СПС КонсультантПлюс.
5. О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ : письмо ФНС России от 16 авг. 2017 г. № СА-4-18/16148@ // Портал ФНС России. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/6968310/ (дата обращения: 01.02.2025).
6. Бочкова С. С. Экспериментальный правовой режим как механизм внедрения цифровых инноваций в предпринимательскую деятельность // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14, № 5. С. 147–156.
7. Грабова О. Н., Суглобов А. Е. Проблемы выхода «Из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10, № 6. С. 108–116.

8. Ефремов А.А., Добролюбова Е.И., Талапина Э.В., Южаков В.Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт. М.: Издательский дом «Дело», 2020. 120 с.
9. Крупнов Ю. А. Актуальные проблемы защиты конкуренции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2020. № 1. С. 53–65.
10. Лаптев В. А. Конституция России как основной источник предпринимательского права // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 103, № 6. С. 39–47.
11. Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л. Правовой статус самозанятых граждан // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 4. С. 39–49.
12. Шишкин С. Н., Шишкина Е. И. О некоторых современных проблемах правового обеспечения государственного регулирования предпринимательской деятельности // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2017. – № 1 (61). – С. 97–101.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. – 1993. – 26 dek.
2. О provedenii e`ksperimenta po ustanovleniyu special`nogo nalogovogo rezhima «Nalog na professional`ny`j doxod» : feder. zakon ot 27 noyab. 2018 g. № 422-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 15 noyab. 2018 g. : odob. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 23 noyab. 2018 g. (s izm. i dop. ot 2 iyulya 2021 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. – 2018. – № 49 (ch. I). – St. 7494; 2021. – № 27 (ch. I). – St. 5133.
3. О nekotory`x voprosax, svyazanny`x s privlecheniem kontroliruyushhix dolzhnika licz k otvetstvennosti pri bankrotstve : postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Ros. Federacii ot 21 dek. 2017 g. № 53 // Portal Verxovnogo Suda Ros. Federacii. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26272/> (data obrashheniya: 01.02.2025).

4. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 24 fev. 2022 g. № 304-E`S16-17384(37) po delu № A03-20515/2015 // SPS Konsul`tantPlyus.
5. O primenenii nalogovy`mi organami polozhenij glavy` III.2 Federal`nogo zakona ot 26.10.2002 № 127-FZ : pis`mo FNS Rossii ot 16 avg. 2017 g. № SA-4-18/16148@ // Portal FNS Rossii. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/6968310/ (data obrashheniya: 01.02.2025).
6. Bochkova S. S. E`ksperimental`ny`j pravovoj rezhim kak mexanizm vnedreniya cifrovyy`x innovacij v predprinimatel`skuyu deyatel`nost` // E`konomika. Nalogi. Pravo. 2021. T. 14, № 5. S. 147–156.
7. Grabova O. N., Suglovov A. E. Problemy` vy`xoda «Iz teni» samozanyaty`x licz v Rossii: riski i puti ix preodoleniya // E`konomika. Nalogi. Pravo. 2017. T. 10, № 6. S. 108–116.
8. Efremov A.A., Dobrolyubova E.I., Talapina E`.V., Yuzhakov V.N. E`ksperimental`ny`e pravovy`e rezhimy`: zarubezhny`j opy`t i rossiïskiï start. M.: Izdatel`skii dom «Delo», 2020. 120 s.
9. Krupnov Yu. A. Aktual`ny`e problemy` zashhity` konkurencii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: E`konomika. 2020. № 1. S. 53–65.
10. Laptev V. A. Konstituciya Rossii kak osnovnoj istochnik predprinimatel`skogo prava // Lex Russica (Russkij zakon). 2015. T. 103, № 6. S. 39–47.
11. Makarova L. A., Nevzgodina E. L. Pravovoj status samozanyaty`x grazhdan // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. T. 18, № 4. S. 39–49.
12. Shishkin S. N., Shishkina E. I. O nekotory`x sovremenny`x problemax pravovogo obespecheniya gosudarstvennogo regulirovaniya predprinimatel`skoj deyatel`nosti // Ucheny`e zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhenoj akademii. – 2017. – № 1 (61). – S. 97–101.

Научная статья

УДК 347.426

**ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕЗАКОННЫМИ
ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ И СУДА**

**Лемменс Трудо, Ph.D., заведующий кафедрой юридического факультета и
Школы общественного здравоохранения имени Даллы Ланы, Университет
Торонто, alserg-kutafin@mail.ru**

Аннотация

Статья посвящена одной из актуальнейших проблем – ответственности за вред, причинённый незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Основные трудности в реализации такой ответственности автор видит в регулировании и применении ее юридических (нормативных) оснований. В статье говорится о разных подходах к решению вопроса о деликтной ответственности государства: в одних случаях для реализации ответственности требуется решение, признающее то или иное действие незаконным, в других случаях – не требуется. Это усложняет сам институт ответственности государства перед гражданином. Автор усматривает множество недостатков в действующем законодательстве: неопределённость в вопросе установления надлежащего ответчика (им могут быть как финансовые органы, так и главные распорядители средств); отсутствие норм о порядке определения размера возмещения. Определённые сложности порождает и сама процедура реализации ответственности, которая носит цивилистический характер в споре с государством, имеющим преимущественное положение. В статье также рассмотрены два примера из практики Верховного Суда Российской Федерации, отражающие трудность реализации ответственности государства. В заключении представлены рекомендации по совершенствованию законодательства и практики его применения. В частности, предложено

уточнить круг случаев, в которых вред возмещается независимо от вины, а также урегулировать вопрос определения размера возмещения.

Ключевые слова: возмещение вреда, гражданское законодательство, гражданско-правовая ответственность, материальный вред, моральный вред, обязательства из причинения вреда, ответственность государства, права человека.

Статья поступила в редакцию 11.04.2025, одобрена после рецензирования 21.05.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

ISSUES OF IMPLEMENTATION OF CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY ILLEGAL ACTIONS OF THE BODIES OF INQUIRY, PRELIMINARY INVESTIGATION, PROSECUTOR'S OFFICE AND COURT

Lemmens Trudo, Ph.D., Head of the Department of the Faculty of Law and the Dalla Lana School of Public Health, University of Toronto

Abstract

The article is devoted to one of the most urgent problems – liability for harm caused by illegal actions of the bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and court. The author sees the main difficulties in implementing such responsibility in the regulation and application of its legal (regulatory) grounds. The article talks about different approaches to solving the issue of tort liability of the state: in some cases, a decision recognizing an action as illegal is required to implement responsibility, in other cases it is not required. This complicates the very institution of state responsibility to the citizen. The author sees many shortcomings in the current legislation: uncertainty in the issue of establishing a proper defendant (they can be both financial authorities and the main managers of funds); lack of rules on the procedure for determining the amount of compensation. The very procedure of exercising responsibility, which is civil in nature in a dispute with a State that has a preferential position, also creates

certain difficulties. The article also examines two examples from the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, reflecting the difficulty of implementing state responsibility. In conclusion, recommendations are presented on improving legislation and the practice of its application. In particular, it is proposed to clarify the range of cases in which harm is compensated regardless of guilt, as well as to resolve the issue of determining the amount of compensation.

Keywords: compensation for harm, civil legislation, civil liability, material harm, moral harm, obligations arising from harm, state responsibility, human rights.

Введение

Проблематика гражданско-правовой ответственности государства перед личностью за незаконные действия актуализирована, прежде всего, тем обстоятельством, что государство в лице уполномоченных органов, реализующих правоохранительные и смежные с ними функции, нередко допускает неправомерные правоограничения, влекущие за собой негативные последствия в виде вреда, причем как материального, так и морального, в связи с чем возникает необходимость его возмещения. О проблеме широкой распространенности неправомерных практик в деятельности правоохранительных органов свидетельствуют как данные научных исследований, так и данные Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [6].

Однако правовые нормы, регулирующие вопросы гражданско-правовой ответственности государства в рассматриваемой сфере, оказываются далекими от совершенства, как и практика их применения, что затрудняет гражданам реализацию их права на возмещение. Поэтому вопросы преодоления проблем в данном направлении представляют определенный интерес, удовлетворить который призвана данная статья.

Основная часть

Говоря об основаниях рассматриваемой ответственности, важно выделить юридическое (нормативное) основание, в качестве которого выступает конкретная норма (нормы), зафиксированная в нормативно-правовом акте, а также фактическое (юридико-фактическое) основание, коим является самое деяние, носящее противоправный характер и повлекшее ответственность (необходимость реализации ответственности) [10, с. 45]. При этом в литературе также высказывается мнение о единстве юридического и фактического оснований ответственности [8, с. 339]. Но проблематика рассматриваемой ответственности в большей мере связана именно с юридическими основаниями.

Ключевым юридическим основанием ответственности государства перед гражданином за вред, причиненный последнему в результате действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, является ст. 53 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [1], наделяющая каждого правом «на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». Это позволяет характеризовать возмещение вреда гражданину как конституционную обязанность государства. И этот аспект замечает также П. В. Айдинов [7, с. 281].

Что же касается более детального регулирования этого вопроса, то оно реализовано, прежде всего, в Гражданском кодексе Российской Федерации: частях первой [2] и второй [3] (ГК РФ). Так, ст.ст. 16 ГК РФ предусматривают обязательность возмещения убытков, причиненных органами власти в результате незаконных действий (бездействия), а ст. 16.1 ГК РФ устанавливает обязательность компенсации ущерба, причиненного в результате правомерных действий органов власти. То есть законодатель, дополнив в 2012 г. ГК РФ последней из указанных норм, как считают С. В. Мельник и Н. А. Малышева, завершил окончательное формирование рассматриваемых правоотношений [12, с. 192]. А значение указанного изменения состоит в признании государством

необходимости возмещать не только вред в результате незаконных действий (бездействия), но и в результате законных действий.

Указанные выше нормы имеют общий характер. И в этой связи более значимыми представляются специальные нормы, а именно ст.ст. 1069–1070 ГК РФ. Исходя из их содержания, законодатель принципиально различает две ситуации. В случаях, когда в отношении гражданина имели место незаконные привлечение к уголовной ответственности, заключение под стражу, подписка о невыезде, привлечение к административной ответственности в виде административного ареста, либо в отношении юридического лица административное приостановление деятельности, вред подлежит возмещению за счет казны полностью, вне зависимости от наличия вины, в соответствии с п. 1 ст. 1070 ГК РФ. В случаях же, когда имело место причинение вреда без указанных выше последствий, возмещение вреда осуществляется, согласно п. 2 ст. 1070, при наличии вины судьи, установленной приговором суда, а в иных случаях вопрос о возмещении вреда решается согласно ст. 1069 ГК РФ. Причем в этой норме ничего не говорится ни о вине, ни об объеме возмещения.

В судебной практике сформировались разные подходы к решению вопроса о деликтной ответственности применительно к рассматриваемым отношениям. Так, имеет место подход, в рамках которого решение вопроса о законности или незаконности действий (бездействия) органа власти или должностного лица решается в рамках иска о возмещении вреда. То есть для предъявления иска не требуется установления незаконности действий (бездействия). В других случаях решение вопроса о возмещении вреда происходит в зависимости от наличия вины в действиях (бездействии) должностного лица [13, с. 16–17]. И безусловно, наличие разных подходов существенно осложняет процесс реализации ответственности в рассматриваемой сфере.

В числе проблем, связанных с возмещением вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия,

прокуратуры и суда, в литературе подчеркивалась неопределенность в вопросе выбора надлежащего ответчика, поскольку, по справедливому замечанию И. А. Городиловой и Т. Т. Соколовой, «данный вопрос законодатель не регламентирует, ведущая роль в его решении отводится юридическим средствам правоприменительного происхождения» [9, с. 119]. То есть судебные органы при рассмотрении дел такой категории максимально свободны в решении вопроса по своему усмотрению.

М. Е. Жаглина по поводу данного вопроса подчеркивает, что в качестве ответчика по такой категории споров выступает само государство – Российская Федерация, возмещающая вред за счет казны. В то же М. Е. Жаглина указывает на дискуссионность вопроса о круге лиц, которые выступают в качестве представителя ответчика от имени казны, том числе и применительно к судебной практике [11, с. 296–297]. Источником этой проблемы видятся нормы действующего гражданского законодательства. Так, ст. 1071 ГК РФ наделяет полномочиями выступать от имени казны «соответствующие финансовые органы», а также предусматривает возможные исключения из этого правила, «если в соответствии с пунктом 3 статьи 125 настоящего Кодекса эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина».

При обращении к п. 3 ст. 125 ГК РФ становится ясно, что на основании как законов, так и подзаконных нормативных правовых актов, от имени казны могут выступать разные государственные структуры, которых принято именовать как главных распорядителей бюджетных средств [11, с. 297]. И хотя в практике по-прежнему нельзя исключить спорных ситуаций, связанных с определением надлежащего ответчика, данная проблема не относится к категории самых острых.

Среди недостатков существующего порядка возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, в литературе отмечается и цивилистический характер самой процедуры возмещения. По мнению И. А. Городиловой и Т. Т.

Соколовой, в ее рамках вред оценивается изолированно, вне зависимости от незаконного действия, что порождает иллюзию универсальности гражданско-правовых способов защиты нарушенных прав. И подмена публичной обязанности государства гражданско-правовым обязательством, с точки зрения указанных авторов, является коренной ошибкой законодателя [9, с. 118]. В такой оценке данных авторов представляется возможным поддержать, ведь если исходить из положений ст. 53 Конституции РФ, то возмещение вреда, причинённого гражданам в результате незаконных действий государства, закреплено именно конституционным, то есть публичным правом.

Конечно, можно было бы согласиться с подходом законодателя, выразившимся в закреплении сугубо цивилистической природы возмещения вреда, причиненного соответствующими органами власти. Но такой подход ставит гражданина в позицию, где он вынужден состязаться с государством в формально равных, но фактически неравных условиях. Отмечая такую специфику, И. А. Городилова и Т. Т. Соколова пишут, что «если в заявительном производстве в силу особенностей дел, возникающих из публичных отношений, применяются специальные процессуальные средства, восполняющие «слабость» потерпевшего от незаконных действий власти, то исковое производство не гарантирует достижения конституционных целей защиты человека в публичных правоотношениях» [9, с. 118]. Однако поскольку отечественный законодатель уже на протяжении многих лет придерживается такого подхода, то вряд ли его целесообразно пересматривать. Более оправданным видится поиск путей совершенствования сложившегося института, нежели коренной пересмотр самой природы ответственности государства перед гражданином.

Конкретные трудности реализации гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда и получения соответствующего денежного возмещения становятся очевидными при обращении к материалам судебной практики. Так, в рамках одного из дел,

рассмотренных в Верховном Суде Российской Федерации, гражданка В. пыталась взыскать компенсацию морального вреда в сумме 100 000 руб. ввиду незаконного изменения ей меры пресечения с условного осуждения на лишение свободы, ненадлежащего оказания ей в период заключения медицинской помощи после родов и невозможности похоронить ребёнка. Районным судом иск указанной гражданки был отклонен; далее суды апелляционной и кассационной инстанций оставили соответствующее решение в силе. В итоге дело рассматривалось Верховным Судом Российской Федерации, который расценил доводы заявительницы как обоснованные, усмотрев при этом существенные нарушения правовых норм в работе нижестоящих судов при разрешении данного дела. Верховный Суд, в частности, отметил, что оспариваемое решение суда не содержит суждений о возможности применения положений п. 1 ст. 1070 ГК РФ, несмотря на то, что истец также ссылалась в исковом заявлении на указанную норму. Помимо того, нижестоящими судами были допущены и иные нарушения, которые Верховный Суд расценил как существенные и непреодолимые, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции [4].

Указанный случай является убедительным подтверждением затруднительности получения возмещения за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, причем даже в тех ситуациях, когда собственные доводы гражданину удается доказать в суде высшей инстанции, поскольку в этом случае дело возвращается на новое рассмотрение в тот же нижестоящий суд. И здесь становятся очевидными все недостатки действующего законодательства.

Вместе с тем, немало проблем возникает и при рассмотрении вопроса об определении размера возмещения, в частности, за незаконное уголовное преследование. Примером тому является дело гражданки И., которая получила право на реабилитацию за незаконное уголовное преследование. Полагая, что такое преследование длилось 3 г. 6 мес. (с 22 января 2014 г., когда было возбуждено уголовное дело, до вступления в силу оправдательного приговора от

17 апреля 2017 г.), она оценила свой моральный вред на сумму 3 000 000 руб. Однако ее иск был удовлетворен лишь частично, на сумму 50 000 руб., а в апелляционной и кассационной инстанциях указанное решение было поддержано. Но, как указал Верховный Суд Российской Федерации, нижестоящими судами не учитывались процессуальные особенности уголовного преследования, продолжавшегося 3 года и 6 месяцев, меры процессуального принуждения, что ограничило права истца, отразилось на её личной, семейной жизни, а также характеристике истца по месту работы. Более того, суды нижестоящих инстанций проигнорировали незаконное проведение в отношении гражданки И. судебно-психиатрической экспертизы в рамках производства по уголовному делу. Не был исследован и вред деловой репутации, причиненный незаконным уголовным преследованием. В итоге дело было направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции [5].

Заключение

Действующее законодательство в части правового регулирования отношений, связанных с реализацией гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, явно нуждается в совершенствовании. Среди главных мер по решению исследованных проблем можно предложить:

1. Предусмотреть открытый перечень конкретных незаконных действий, вред за которые однозначно подлежит возмещению независимо от вины. Соответствующий перечень может быть определен как в акте Верховного Суда Российской Федерации, так и в нормах ГК РФ. В качестве ориентира при этом должны использоваться ранее принятые решения Верховного Суда, а также в целом практика рассмотрения дел по ст. 1070 ГК РФ.

2. Разработать на уровне Верховного Суда Российской Федерации систему конкретных критериев для определения размера возмещения за вред, причиненный в результате неправомερных действий органов дознания,

предварительного следствия, прокуратуры и суда. Также в качестве одного из вариантов решения указанной проблемы может быть установление на уровне федерального закона минимально допустимого предела компенсаций за конкретные незаконные действия (например, за 1 день незаконного лишения свободы в исправительной колонии общего режима, за 1 день незаконного содержания под стражей с следственным изолятором, за 1 день незаконного нахождения под подпиской о невыезде, за незаконное проведение в отношении гражданина психиатрической экспертизы и т.д.) в определенных суммах. И в таком случае хотя бы будет примерных ориентир, что позволит исключить назначение неоправданно низких размеров возмещения вреда.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. – 1993. – 26 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 нояб. 1994 г. (с изм. и доп. от 21 дек. 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – ст. 3301; 2021. – № 52 (ч. I). – ст. 8989.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 1995 г. (с изм. и доп. от 1 июл. 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 5. – ст. 410; 2021. – № 27 (ч. I). – ст. 5123.
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 сен. 2020 г. № 51-КГ20-6-К8, № 2-1398/2019 // Офиц. сайт Верховного Суда Рос. Федерации. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1912204 (дата обращения: 15.03.2025).
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 фев. 2021 г. № 45-КГ20-25-К7, № 2-3257/2019 // Офиц. сайт Верховного Суда Рос. Федерации. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1969372 (дата обращения: 15.03.2025).

6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год // Офиц. сайт УПЧ в Рос. Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 15.03.2025).
7. Айдинов П. В. Современные проблемы, возникающие при возмещении имущественного и морального вреда, причиненного лицу необоснованным или незаконным уголовным преследованием: аспект практики прокурора // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 7А. С. 279–285.
8. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2009.
9. Городилова И. А., Соколова Т. Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину государством: институт публичного права или частноправовая монополия? // Российский юридический журнал. 2016. № 1(106). С. 115–122.
10. Граф Р. В. Нормативные основания возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц // Правовая культура. 2020. № 2(41). С. 43–54.
11. Жаглина М. Е. К вопросу о надлежащем ответчике по искам к казне в порядке ст.ст. 1069, 1070 ГК РФ // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2018. № 4-2. С. 296–299.
12. Мельник С. В., Малышев Н. А. Генезис правоотношений по возмещению ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов // Философия права. 2020. № 4(95). С. 188–193.
13. Тимофеева И. Ю., Перетокин С. Н., Тимофеев А. И. Деликтная ответственность государства и причины юридической коллизии // Закон и право. 2019. № 12. С. 15–19.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. – 1993. – 26 dek.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast` pervaya ot 30 noyab. 1994 g. № 51-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 21 noyab. 1994 g. (s izm. i dop. ot 21 dek. 2021 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. – 1994. – № 32. – st. 3301; 2021. – № 52 (ch. I). – st. 8989.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast` vtoraya ot 26 yanv. 1996 g. № 14-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 dek. 1995 g. (s izm. i dop. ot 1 iyul. 2021 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. – 1996. – № 5. – st. 410; 2021. – № 27 (ch. I). – st. 5123.
4. Opredelenie Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 8 sen. 2020 g. № 51-KG20-6-K8, № 2-1398/2019 // Ofic. sajt Verxovnogo Suda Ros. Federacii. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1912204 (data obrashheniya: 15.03.2025).
5. Opredelenie Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 2 fev. 2021 g. № 45-KG20-25-K7, № 2-3257/2019 // Ofic. sajt Verxovnogo Suda Ros. Federacii. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1969372 (data obrashheniya: 15.03.2025).
6. Doklad o deyatel`nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2020 god // Ofic. sajt UPCh v Ros. Federacii. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (data obrashheniya: 15.03.2025).
7. Ajdinov P. V. Sovremennyy`e problemy`, vznikayushhie pri vozmeshhenii imushhestvennogo i moral`nogo vreda, prichinennogo liczu neobosnovanny`m ili nezakonny`m ugovny`m presledovaniem: aspekt praktiki prokurora // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2021. T. 11, № 7A. S. 279–285.
8. Vitruk N. V. Obshhaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Norma, 2009.

9. Gorodilova I. A., Sokolova T. T. Vozmeshhenie vreda, prichinennogo grazhdaninu gosudarstvom: institut publichnogo prava ili chastnopravovaya monopoliya? // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2016. № 1(106). S. 115–122.
10. Graf R. V. Normativny`e osnovaniya vozmeshheniya gosudarstvom vreda, prichinennogo nezakonnymi dejstviyami (bezdejstviem) organov gosudarstvennoj vlasti i dolzhnostny`x licz // Pravovaya kul`tura. 2020. № 2(41). S. 43–54.
11. Zhaglina M. E. K voprosu o nadlezhashhem otvetchike po iskam k kazne v poryadke st.st. 1069, 1070 GK RF // Obshhestvennaya bezopasnost`, zakonnost` i pravoporyadok v III ty`syacheletii. 2018. № 4-2. S. 296–299.
12. Mel`nik S. V., Maly`shev N. A. Genezis pravootnoshenij po vozmeshheniyu ushherba, prichinennogo pravomernymi dejstviyami gosudarstvenny`x organov // Filosofiya prava. 2020. № 4(95). S. 188–193.
13. Timofeeva I. Yu., Peretokin S. N., Timofeev A. I. Deliktnaya otvetstvennost` gosudarstva i prichiny` juridicheskoy kollizii // Zakon i pravo. 2019. № 12. S. 15–19.

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences	8
Akhatov U. A. LAW AS A FACTOR OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOCIETY	8
Hadley M. THE PROBLEM OF LEGAL RESPONSIBILITY OF THE STATE ..	20
Ragozina N. A. LIMITS OF RESTRICTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS	31
Oyunaa C. LEGALITY AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF THE RULE OF LAW STATE.....	42
Graham L. D. THE PROBLEM OF UNRECOGNIZED STATES IN THE MODERN THEORY OF STATE AND LAW	53
5.1.3. Private law (civil) sciences.....	64
Bing Ch. ON SOME TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF EVIDENTIARY ISSUES IN CIVIL PROCEEDINGS	64
Pechinskaya E. OBLIGATIONS FROM FAMILY RELATIONS: SPECIFICS, COMPOSITION, AND IMPLEMENTATION ISSUES.....	76
Moroz O. LIMITS OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT WHEN CONCLUDING A PRENUPTIAL AGREEMENT	87
Makeeva I. S. SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY	99
Trudo L. ISSUES OF IMPLEMENTATION OF CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY ILLEGAL ACTIONS OF THE BODIES OF INQUIRY, PRELIMINARY INVESTIGATION, PROSECUTOR'S OFFICE AND COURT	110